ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

А·А·ДУДКО

АРГЕНТОВСКИЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга рассказывает о семье Аргентовских, коммунистах, павших при защите завоеваний Великого Октября в Зауралье от белочехов и колчаковщины.

- Аргентовские
  -
  - ПОСЛАНЕЦ ИЗ ПИТЕРА
  - ЗАСАДА
  - КОМИССАР МИЛИЦИИ
  - КОНЕЦ БАНДЫ ВАСЬКИ ШПОНА
  - ГОРЯЧАЯ НЕДЕЛЯ
  - ПЕРЕД БУРЕЙ
  - БОЙ НАЧАЛСЯ НА РАССВЕТЕ
  - УЗНИКИ 17-й
  - БРАТ И СЕСТРА
  - ПОДПОЛЬЕ ДЕЙСТВУЕТ
  - ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ
  - ЭПИЛОГ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Аргентовские

А·А·ДУДКО

АРГЕНТОВСКИЕ

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕЛЯБИНСК·1979

ПОСЛАНЕЦ ИЗ ПИТЕРА

Тихо угасал короткий зимний день. Отблески вечерней зари румянили заснеженные крыши торговых рядов, играли позолотой купола Троицкой церкви и, врываясь через разрисованные морозными узорами окна, угольками тлели на стенах кабинета. Таившийся по углам сумрак густел.

Они сидели уже часа два, а разговору, казалось, не будет конца. Больше рассказывал гость, хозяин внимательно слушал, оживляя беседу односложными вопросами и восклицаниями.

По рассказам отца Лавр представлял Климова другим и заранее был настроен недружелюбно. Все-таки кадровый военный, писарь, не то что солдат или матрос. Сколько таких: на словах — одно, а на деле — меньшевикам и эсерам в рот заглядывают.

«Два месяца, как совершилась пролетарская революция, а бывший председатель Курганской земской управы господин Алексеев раскатывает по уезду и агитирует за учредиловку. Ну, этому Климову я такое скажу… — распалял себя Лавр, собираясь в партийный комитет большевиков. — Верно батя сказал: «Советская власть как бы и есть, а в то же время вроде и нету ее у нас».

Однако встреча между председателем комитета партии большевиков Александром Климовым и матросом Лавром Аргентовским, прибывшим в Курган с мандатом Кронштадтского ревкома, произошла совсем не так.

Комитет размещался на втором этаже бывшей полицейской управы, в просторном кабинете бывшего исправника. Третья дверь слева. Еще мальчишкой раза три или четыре Лавра приводили сюда. Тучный усатый исправник Иконников угощал леденцами и вкрадчиво спрашивал: кто приходит к ним в гости, видел ли в доме револьвер, куда батя ездил на прошлой неделе. Потом его отпускали, строго наказав никому ничего не рассказывать.

Когда Лавр вошел, Климов застуженным голосом раздраженно кричал в телефонную трубку:

— Хоть по телефону бросьте кривляться. Вы — саботажник! Партия… Вся ваша эсеровская партия — ярмо на шее пролетариев!

Климов бросил трубку так, что жалобно брякнули, словно ойкнули, рычажки деревянной коробки настольного телефона.

— Видал ты его, буржуя недорезанного! — вместо приветствия обратился он к матросу, как бы приглашая в

свидетели. — Бандиты Ведерникова хозяйничают в городе, даже днем грабят, а милиция операцию по отлову бродячих собак затеяла…

На щеках Климова проступили красные пятна. Он поднял на Аргентовского большие темные глаза. В них — тревога и усталость.

«Ему, видно, тоже не мед… — подумал Лавр, подавая Климову четвертушку синей бумажки — мандат Кронштадтского ревкома, честь по чести заверенный подписями и большой круглой печатью. — Может, батя немного темнил в отношении Климова… Старики любят наизнанку все переворачивать…» — Он с каким-то внутренним раздражением вспомнил слова отца: «… Меньшевики и эсеры переиначили Советскую власть на свой лад».

— Ну, дорогой братишка, вовремя ты к нам пожаловал! — приподнимаясь из-за стола, воскликнул Климов. — Большевики-балтийцы во как нужны! — черкнул он ребром ладони по шее. — Давай поручаемся.

Скуластое лицо председателя засветилось такой искренней радостью, что Лавр невольно улыбнулся; в груди разлилась теплая волна, окончательно растопила ледок недоверия и настороженности.

— Тяжелое положение, — усадив гостя к столу, продолжал Климов. — Чуть ли не все руководящие посты в Советах занимают меньшевики и эсеры. Большевиков трех десятков не насчитывается. Куда ни сунься — везде дыра. Стыдно сказать: уже два месяца как Временное правительство низложено, а в Кургане здравствует образованная им милиция. «Народная» называется. Вывеска-то какая!.. Хоть на божницу ставь… А она такая «народная», что кинь палку — в околоточного или бывшего полицейского попадешь.

Климов скрутил козью ножку, предложил свернутую гармошкой газету и кисет Аргентовскому.

— Спасибо, не курю.

— А я с этим баловством грудницу нажил. Чуть ветерком опахнет — дышать не могу, горло перехватывает.

Затянувшись, Климов откинулся в резном кресле, с прищуром глянул на гостя, словно прикидывая: на что способен матрос. Лавр молчал, теребя лежавшую на коленях бескозырку.

— Ты извини, — спохватился Климов, — что я тебе тут страсти-мордасти рассказываю. Хороший хозяин поначалу должен гостя выслушать: кто и что он, да куда путь держит. А у тебя, братишка, видно, есть о чем поведать.

Биография у Лавра самая заурядная, но… есть в ней кое-что и любопытное.

Л. В. Аргентовский, первый комиссар Курганской горуездной милиции.

Родился на одном из золотых приисков Ленского горного края, куда отец, Василий Алексеевич Аргентовский, был сослан царской охранкой за вольнодумство.

В 1912 году Василий Алексеевич, один из организаторов забастовки на Ивановском руднике, чудом избежал расправы. Срок ссылки к тому времени кончился, и после кровавых Ленских событий большевик Аргентовский с семьей переехал в

зауральское село Чесноки. А вскоре перебрался в Курган.

Лавр — старший в семье, семнадцатилетним пареньком начал работать весовщиком на мельнице Смолина.

«Весь в мать», — говаривал Василий Алексеевич, любуясь и втайне гордясь первенцем. Действительно, у него тот же, что у матери прямой нос, открытые карие глаза с черными, в разлет, бровями, девичий румянец на щеках. «Тебе бы, Лавруша, юбку носить — самое что ни на есть кстати…» — подшучивал отец.

У Лавра рано обнаружился музыкальный слух. Восьмилетним мальчуганом он играл на балалайке, а услышав серебряные переливы тальянки, бросал все детские забавы, бежал туда, где раздавались ее волшебные звуки.

Однажды на весенней ярмарке у пропившегося бродяжки Василий Алексеевич купил сыну однорядку с колокольцами. Была она старая, и знакомому мастеру пришлось изрядно повозиться, зато вскоре Аргентовские уже устраивали домашние концерты: младшая сестра, Наташа, подыгрывала Лавру на гитаре, отец брал в руки балалайку, мать пела.

Способности молодого Аргентовского к музыке заметил хозяин мельницы, известный в городе меценат Смолин. По его протекции (даже денег не пожалел) Лавр поступил в Петербургскую консерваторию, но закончить не удалось — призвали на действительную службу. Попал на Балтийский флот. Там встретился с хорошими людьми. Пошел по стопам отца — стал членом партии большевиков. Был связным между Центробалтом и одной из подпольных организаций Петрограда. И вот — ночь на 26 октября. Штурм Зимнего.

…В наступившей темноте скрипнуло кресло.

— Засиделись мы, однако… — Климов зажег десятилинейную лампу, прикрутил фитиль. Разминаясь, прошелся по кабинету. Остановившись против Лавра, сказал: — У меня такая задумка. Пока никому ни слова — кто ты и что ты… Твой мандат останется у меня. Поступишь работать в милицию. Без моей помощи, разумеется. Приглядись, что к чему. Но много времени дать тебе не могу. Каждый человек на счету, сам понимаешь. Начальником милиции сейчас Пляхинский. Он — эсер, атаман Ведерников — тоже. Может, одна шайка-лейка?.. Милиция располагается тут, на первом этаже, но ты ко мне ни шагу. Понадобится, сам тебя найду. Если не по душе задание, скажи, неволить не стану.

— Нет, почему же… Я — член партии большевиков и от любой, самой черной работы не отказываюсь. Хотя сомнение берет: справлюсь ли? Уж больно должность не по характеру.

Климов хлопнул матроса по плечу.

— Надо, дорогой братишка. Больше некому.

На другой день Аргентовский был в приемной начальника милиции, у которого только что закончилось совещание. Сотрудники с веселым гомоном расходились по рабочим местам — хлопали двери, стучали по полу кованые сапоги, слышался смех.

Лавр сунулся было в кабинет Пляхинского, но секретарша, миловидная девушка в шляпке со страусовым пером, грудным голосом сказала:

— Извините, Иван Парфентьевич не любят, когда без доклада, — и, решительно оттеснив матроса, скрылась за дверью. Выйдя, объявила: — Велено немного подождать.

Это «немного» тянулось больше часа. Торчать в приемной Аргентовскому надоело, он принялся расхаживать по узкому длинному коридору, где не было ни одной скамейки. Повсюду царили грязь и запустение. В углах болтались серые нити паутины, кое-где на пол осыпалась штукатурка.

— Вас приглашают, — выглянула из приемной секретарша и предупредила: — Долго не задерживайтесь. У Ивана Парфентьевича заседание в совдепе.

В кресле с высокой спинкой, увенчанной головой льва, за массивным дубовым столом сидел молодой, но уже лысеющий мужчина. Скуластое, хищное лицо, узкие глазки-щелочки, редкие усики.

Пляхинский принял матроса любезно. Вышел из-за стола, поздоровался за руку, пригласил сесть, осведомился: давно ли прибыл в родные «пенаты».

Лавр ответил коротко.

Легкая тень скользнула по лицу Пляхинского, когда он услышал, что матрос хочет стать милиционером.

— Что вы можете?

Вопрос прозвучал жестко. Аргентовский пожал плечами.

— Если начистоту, не подходите вы для нашей службы. Следственной практики нет, постовым — рост не позволяет…

Лавр густо покраснел, будто его уличили в нехорошем. Рост ему никогда не ставили в вину. Средний. Силой тоже бог не обидел. К тому же, владеет приемами джиу-джитсу и карате. Грамотный. Два класса церковно-приходской школы, педагогические курсы и в консерватории учился…

Лавр молча встал и хотел уйти, но Пляхинский, выйдя из-за стола, удержал матроса за локоть. На его лице вновь появилась елейная улыбка.

— Дело, конечно, не в физических способностях. На данном этапе революции определяющими являются убеждения

человека — по какую сторону баррикад он находится.

«Ну, ну, по какую же сторону баррикад ты стоишь?» — подумал Лавр.

— Видите ли, Аргентовский, революция изрядно намусорила. И призвание милиции — выметать мусор на свалку истории, но делать это следует с толком, чтобы с дерьмом золото не выбросить.

О значении милиции Пляхинский разглагольствовал долго и туманно. Лавр слушал терпеливо, стараясь уловить смысловую нить пространного монолога.

Наконец, красноречие начальника милиции иссякло. Он вернулся к столу и со вздохом занял двое место.

— Вы мне, Аргентовский, чем-то нравитесь. Пристрою-ка я вас… на первый пост, к Бурмистрову. Завтра выходите на работу.

Не из легких достался Лавру участок — базар.

Самое последнее дело, считал Лавр, моряку возиться со спекулянтами, разбирать ссоры, гоняться за шулерами и ворами. Почти ежедневно Аргентовский задерживал и доставлял в милицию преступников, но их зачастую выпускали. На недоуменные вопросы милиционера Пляхинский только хмыкал и цедил сквозь зубы:

— Не ваше дело…

…В дубленом отцовском полушубке, затянутый ремнями старой армейской портупеи, Лавр шел на работу. Шел раньше обычного. Тревожные раздумья терзали его. То, что рассказал сегодня младший брат Костя, казалось невероятным.

…В кухню Костя влетел вихрем. На ходу снимая кожушок, спросил мать:

— Братка ишшо дома?

— А ты где шастаешь в такую рань?

Не ответив, Костя ринулся в горницу.

Лавр заправлял кровать, старательно разглаживая и одергивая покрывало. Делал он это как заправская хозяйка, а может, чуточку аккуратнее и строже.

Костя поманил его пальцем, увлекая в сени.

— Не седня-завтра в городе объявится банда Ведерникова, — сообщил он шепотом, пристраиваясь на кадушке с квашеной капустой.

— Ну?

— Вот те и «ну». — Костя многозначительно помолчал. — Третьего дни Ванька Янкин осадил голубей Шурки Рыжего. Рыжий — шасть туда. Зарылся в сено рядом с мызой и лежит, высматривает: как бы незаметно голубятню открыть. В одночасье слышит: дверь скрипнула, кто-то на крылечко вышел. Одного

сразу признал — Семка, Ванькин брательник. «Вы, — грит, — не волновайтесь. Ведерников — человек слова. Сказал через три дня, значит, через три дня». Другой грит: «Передай атаману: к вечеру ящик патронов и ящик винтовок в приметке за мызой будут. А потом, как договорились. Список тот же. Без стрельбы обойтиться надо».

— А второй-то кто был? — спросил Лавр. — Шурка признал?

— Пляхинский…

— Больше никому ни слова. Договорились?

— Могила!.. — Костя перед лицом скрестил руки. — Я и Шурке наказал…

За спиной скрипнул снег. Лавр оглянулся. Рядом остановилась кошевка, в которой полулежал Пляхинский. На облучке, заломив шапку набекрень, сидел бородатый милиционер. Фамилии его никто не знал, так и звали — Борода. Поговаривали, что раньше служил он в губернском жандармском управлении, но за какую-то провинность был разжалован и сослан в Курган.

— Товарищ Аргентовский, поедете с нами на оружейный склад совдепа. Присаживайтесь, — не поздоровавшись, приказал Пляхинский.

Лавр вскочил на облучок рядом с Бородой. «Ага, вот оно, начинается… Значит, Шурка Рыжий правду сказал…»

— А мы к вам, Михаил Иванович, — с улыбочкой обратился Пляхинский к заведующему складами совдепа Кравченко, собиравшемуся куда-то идти. — Требуется винтовок и патрончиков заполучить.

— Так вы же месяц тому назад получали…

— Мало, Михаил Иванович. Растем. Штат увеличивается.

Глянув в бумажку, которую протянул начальник милиции, Кравченко решительно вернул ее.

— Не могу. Требование должен подписать председатель совдепа. За тот ящик мне головомойка была… С удовольствием бы, но… — Кравченко развел руками. — Сами понимаете, ревтрибуналом пахнет.

— Какой еще ревтрибунал! — взвился начальник милиции. — Ты забыл, с кем дело имеешь! Советую…

— Забыть не забыл, а наперед порядок блюсти буду, — перебил его кладовщик и взял в руки замки, давая понять, что разговор окончен.

— Стерва! Ты с кем говоришь?! Я шутить не умею! Застрелю, как собаку! — крикнул Пляхинский, наливаясь краской.

— Чем стращать, гражданин хороший, съездили бы в совдеп, подписали требование и на законных…

— Да я тебя в порошок сотру, мерзавец!

Пляхинский откинул полог, под которым стояли ящики с винтовками, крикнул Бороде:

— Берись, понесем!

Кравченко решительно встал на пути.

— Не позволю!

Пляхинский с Бородой пытались обойти его, но кладовщик толкнул ящик, и он грохнулся на земляной пол, подняв облачко пыли.

— На, выкуси!

Кравченко сунул под нос начальника милиции огромный кукиш. Тычком Пляхинский ударил его в живот. Тот охнул и присел, корчась от боли.

Лавр, наблюдавший эту сцену, побледнел, крепко схватил Пляхинского за лацканы кожанки, выдохнул в лицо:

— Издеваешься, гад?!

Оттолкнув Аргентовского, начальник милиции отступил за ящики, выхватил наган. Затем угрожающе двинулся на матроса. «Нападать. Не дать ему возможности выстрелить», — мелькнула мысль. Лавр сильно ударил Пляхинского в переносицу. Тот, выронив наган, упал на ящики. Сзади чьи-то пальцы сдавили горло. Выручило джиу-джитсу. Перехватив руки нападающего, Аргентовский завис на них. Под тяжестью тела пальцы ослабли, Лавр крутнулся и выскользнул. Снова тот же прием — удар кулаком в переносицу, — и телохранитель Пляхинского растянулся рядом со своим начальником.

Аргентовский помог кладовщику подняться, толкнул к двери.

— Топаем отсюда. Пока эти твари очухаются…

Но Кравченко запротестовал:

— Склад открытым не оставлю. Давай вытащим их на улицу, пускай ветерком обдует.

Климова у себя не было. Аргентовский и Кравченко направились к председателю ревтрибунала Ястржембскому. Возбужденный происшедшим, Кравченко принялся рассказывать, но прыгал с пятого на десятое, перемежая свою речь проклятиями.

Ястржембский перевел взгляд на Аргентовского.

— Может, вы толком пояснение сделаете?

Лавр подробно изложил суть дела и добавил:

— Пляхинский — враг. Заодно с бандой Ведерникова. Фактически вам говорю, Игнатий Адамович.

Ястржембский удивленно поднял жгуче-черные глаза на милиционера. В них блеснул огонек.

— Случай в складе — не есть повод для… такого серьезного

обвинения.

«Не верит!.. Выходит, я — обманщик…» Эта мысль будто обожгла. Сорвав шапку с головы, Лавр кинул ее себе под ноги.

— Да что вы тут, как слепые котята!

Но Ястржембский и глазом не моргнул. На той же ноте, тихо, с хрипотцой продолжал:

— Ревтрибунал карает только по справедливости. Ему народ доверяет. Обмануться не можно.

Деловой тон, невозмутимость председателя ревтрибунала охладили пыл Аргентовского, стало стыдно за свою горячность. Из замешательства его вывел спокойный голос Ястржембского.

— У вас есть доказательства?

Прокашлявшись в кулак, Лавр стал рассказывать историю с голубями Шурки Рыжего. Когда он закончил, Ястржембский решительно взялся за телефонную трубку. Пляхинский откликнулся сразу, будто ждал звонка.

— Ястржембский на проводе. Зайди до меня.

Затем председатель ревтрибунала пригласил в кабинет членов следственной комиссии — Кучевасова и Зырянова. Изложив рассказ Аргентовского, спросил:

— Как будем поступать?

— Арестовать! — в один голос заявили они.

Пляхинский не заставил себя ждать. Как только он появился в кабинете, к нему шагнул Григорий Зырянов, взял за плечо. В тишине властно прозвучал голос Ястржембского:

— Именем революции вы арестованы!

Зырянов и Кучевасов разгрузили карманы Пляхинского, сняли портупею.

Просматривая портмоне, Зырянов нашел клочок чайной обертки, подал Ястржембскому. На оборотной чистой ее стороне корявым почерком было написано:

> «Парфеныч пиридай Зубу пущай сварганит гумаги на дюжину кляч и сопчит Анохину Свабода 20».

Увидев, что Ястржембский внимательно читает записку, Пляхинский скрежетнул зубами и потупился.

ЗАСАДА

На другой день Ястржембский сам вызвал Лавра. В кабинете председателя ревтрибунала собрались все члены следственной комиссии и комиссар Красной гвардии Городецкий. Лавра встретили приветливо, как старого знакомого, лишь Городецкий недовольно покосился в его сторону и пророкотал могучим басом:

— А сказали: совещание при закрытых дверях…

— Все свои, Михайло Васильевич, — улыбнулся Ястржембский. — Прошу знакомыми стать — Лавр Аргентовский.

Лавр знал Городецкого, добродушного великана, всегда находившегося в хорошем настроении. По городу о нем ходили легенды. Рассказывали, что однажды в фойе кинотеатра «Весь мир» парни затеяли драку. В это время с тремя патрульными красногвардейцами появился Городецкий и, увидев потасовку, так гаркнул, что с потолка посыпалась штукатурка. Драчуны — врассыпную. А так как выход был отрезан патрулем, они бросились в полупустой зрительный зал, забились под сиденья. Городецкий ходил между рядами, вытаскивал их вместе со связками кресел, «легонько» шлепал каждого и выставлял на улицу.

Михаил Васильевич божился, что такого не было, но при этом добавлял: «Раз верят люди, пусть верят. Осмотрительнее станут…»

Там, где появлялся комиссар, сам собой восстанавливался порядок. Горожане шикали друг на друга.

Ястржембский предоставил слово члену следственной комиссии Федору Кучевасову. Бывший техник-строитель заговорил так гладко, веско, что Лавр диву дался: «Гляди-ка, Федор-то… Молчун, а что выкомаривает!.. Прямо, как по-писаному шпарит…»

— Предварительным следствием установлено: начальник народной милиции эсер Пляхинский связан с бандой Ведерникова, поставляет ему боеприпасы и оружие. На основании свидетельских показаний…

Когда это Федор стал большевиком? Жили они с Лавром почти по соседству, виделись часто. Молчун был такой же, как отец.

Кучевасов пристально посмотрел на Аргентовского, тот опустил глаза и двинул стулом, делая вид, будто удобнее усаживается. Показалось, что Федор догадался о его мыслях — поди ж ты, глаз какой острый, в душу так и вонзается…

— В записной книжке Пляхинского двадцать три фамилии партийцев большевистского крыла и сочувствующих. Полагаем: это контрольная копия того списка, каковой он передал Ведерникову для исполнения террористического акта, — продолжал Кучевасов твердым голосом. — Пляхинский правдивых показаний не дает. Наши предположения может подтвердить или опровергнуть только сам атаман. Следственная комиссия предлагает организовать засаду на явочной квартире. План прилагаем.

Кучевасов положил на стол Ястржембского небольшой листок бумаги. Игнатий Адамович бегло просмотрел его (видимо, уже был знаком с содержанием) и передал Городецкому.

Слушая Кучевасова, Лавр по-доброму завидовал ему: «Как держится!.. Я не смог бы этак-то. Чуть что — краска в лицо».

Его размышления прервал Городецкий. Он спросил Кучевасова, нет ли в списке Пляхинского кого-нибудь из меньшевиков.

— Нет, — категорично заявил Федор. — Мы внимательно проверили каждую фамилию. Даже немощный старик Аргентовский есть, а…

— Что вы хотите?! Пляхинский — эсер. А у них с меньшевиками одна шайка-лейка. Так и смотри, что из-за угла пулю схлопочешь, и знать не будешь: меньшевистская она или эсеровская. — сделал вывод Городецкий. — Цацкаетесь с ними. Дали бы мне волю… — Он сжал огромный кулак и «слегка» стукнул по краю стола. — Все они следом за Пляхинским в каталажку просятся.

План засады обсуждался тщательно и долго. Федор Кучевасов и Георгий Зырянов предлагали организовать ее во дворе дома Янкиных, предварительно арестовав хозяев и всех домочадцев. А чтобы отрезать банде пути отхода, разместить красногвардейцев во всех соседних дворах.

Городецкий запротестовал: может завязаться перестрелка, в темноте своих побить недолго. К тому же большое скопление людей в соседних дворах затруднит конспирацию: кто-то чихнет, кто-то брякнет чем и — пиши пропало. А банду упускать нельзя — другого такого случая может не представиться…

Комиссара Красной гвардии поддержал член ревтрибунала Иосиф Буждан. По натуре осторожный и сдержанный, он вдруг так горячо стал убеждать всех в несостоятельности плана, в разработке которого сам принимал участие, что даже Городецкий посмотрел на него с удивлением и щелкнул себя по кадыку:

— Ты, случаем, Иосиф, не тяпнул с устатку?

Буждан не ответил.

— Что вы предлагаете? — не удержался Ястружембский.

Из Буждана будто воздух выпустили. Он замолчал, уставясь в окно, затем раздумчиво сказал:

— Подумать надо…

— Думать час не можно…

Игнатий Адамович обвел присутствующих долгим внимательным взглядом и остановился на Аргентовском.

Лавр внимательно слушал, взвешивал «за» и «против». Порой его подмывало вставить слово, но спохватывался: «Кто я, чтобы старших учить? Они лучше меня знают…» У него сложился свой план. Сам того не сознавая, он думал об этом со вчерашнего дня, с того момента, когда узнал о заговоре.

Если бы провести операцию доверили Лавру, он сделал бы так: Янкиных арестовывать не стал, а от имени Пляхинского, якобы уехавшего в командировку, доставил на квартиру связника обещанные ящики. Небольшую засаду устроил во дворе и на огороде Янкиных, остальных красногвардейцев рассредоточил вокруг всего квартала. В квартирах людей, обозначенных в списке Пляхинского, тоже устроил засады на случай, если атаман вздумает одновременно и забрать оружие, припрятанное в стожке на огороде, и учинить расправу над большевистским активом.

Продолжая смотреть на Лавра, Ястружембский неожиданно улыбнулся.

— Вы имеете сказать?

Аргентовский замялся, но приказал себе: «Держись… Здесь свои, друзья…» И все же почувствовал, как теплая волна разлилась по лицу.

— Я думал… Мне кажется…

Первые слова принесли облегчение. Дальше он излагал свои мысли уверенно.

Когда Лавр закончил, поднялся Городецкий:

— Я за предложение Аргентовского голосую обеими руками, только имею небольшую поправку в отношении засад на квартирах. Я — против. Засады надо устроить во дворах.

С некоторыми изменениями и добавлениями план Аргентовского был принят единогласно.

Ночь. Полная луна холодным светом заливает дома. Улицы опустели, притихли. Только на железнодорожной станции порой перекликаются паровозы, лязгают буфера вагонов.

Аргентовский и пятеро красногвардейцев зарылись в стожке сена в огороде Янкиных, прислушиваются к чуткой тишине. Что-то брякнуло, загремело упавшее ведро. Под чьими-то шагами хрустнул снежный наст. «Яниха вышла доить корову», —

догадывается Лавр. Слышно, как она уговаривает буренку стоять смирно, а о стенки подойника вызванивают тугие струйки молока. Сладко заныло под ложечкой. Вспомнил, что с самого утра ничего не ел. Закрутился и на обед не ходил. Эх, сейчас бы добрых щей да кружечку парного молока!.. Чтобы отвлечься, не думать о еде, стал воскрешать в памяти лица друзей-балтийцев, с которыми расстался три месяца назад. Но в голову лезла всякая чепуха. Затем вспомнились события позавчерашнего дня: арест Пляхинского, первый его допрос, на который пригласили Лавра.

Рядом пискнула мышь. Лавр боялся мышей и с трудом сдержался, чтобы не выскочить, из укрытия. Подавил в себе дрожь, заставил расслабиться. Так пролежал не долго — затекли руки. Лавр вытянул их вперед, коснулся ладонями снежного наста. Вскоре, как иголками, пронизало пальцы. Значит, мороз усилился. «Сколько сейчас времени?» Лавру казалось, что лежат они здесь давно, что скоро запоют утренние петухи. «А что если Шурка Рыжий все выдумал?» Мысль эта пришла внезапно. На него будто ведро холодной воды вылили. «Не может быть… А список в блокнотике Пляхинского?» Слух уловил какой-то шум. Показалось? Нет, скрипнуло крыльцо, послышались шаркающие шаги. Вот они совсем рядом. Человек пошарил в стогу, проворчал что-то под нос, очевидно, не находя крючка (Лавр предусмотрительно спрятал его в снег), и стал руками теребить сено. Набрал охапку и понес в сарай. Его негромко окликнули:

— Семен, ты?

Гонец атамана Ведерникова появился бесшумно. Видимо, хозяева ждали его — оставили калитку открытой.

Лавр напряг слух. Но долетели только обрывки приглушенного разговора:

— Порядок?

— Выполнил… Анисим дурочку порет…

— Нет. Борода… сказывал, уехавши…

Минут через пять после ухода гонца заскрипели полозья саней. Во дворе появилось несколько теней. Они бесшумно проплыли к стогу, выволокли из приметка ящики, взялись по двое и понесли. На пути встал Аргентовский.

— Ни с места! — шепотом приказал он, ткнув переднего стволом маузера. — Вы окружены отрядом Красной гвардии. Сопротивление бесполезно.

Рядом с Лавром встали четверо его товарищей.

— Где атаман?

— У розвальней.

— Сколько вас?

— Человек двадцать.

Аргентовский шагнул на лестницу, приставленную к голубятне, дверца открылась. Из темного проема высунулась голова.

— За мной!..

Осторожно, почти на цыпочках, Лавр пошел к воротам. Минуту собирался с духом, затем распахнул калитку и стремительно бросился к розвальням.

— Руки вверх!

Кони рванули. Аргентовский выстрелил. Левая пристяжная взвилась на дыбы и рухнула. Лавр прыгнул в розвальни. Навстречу плеснул огонь. Рукояткой маузера Лавр ударил возницу по голове, тот мешком плюхнулся с облучка.

Над головой запели пули. Стреляя на ходу, из соседнего переулка выскочила группа бандитов.

Двое красногвардейцев подхватили бесчувственное тело возницы, затащили во двор. Едва Аргентовский успел захлопнуть калитку, как на нее обрушился град ударов. Отступив за угол дома, Лавр выстрелил. По ту сторону ворот кто-то ойкнул, стук мгновенно оборвался. Справа, а затем и слева послышались хлопки выстрелов. Бандиты бросились в переулок, но там их встретили плотным винтовочным огнем красногвардейцы Кузьмы Авдеева, заместителя комиссара отряда Красной гвардии консервного завода. Трое были убиты, остальные сдались.

Пленных обыскали и сгрудили во дворе Янкиных.

Лавр забарабанил кулаком в двери сеней.

— Кто там? — сразу же отозвался старческий голос. По-видимому, Янкин-старший давно стоял за притолокой, прислушиваясь к тому, что делается во дворе.

— Хозяин, выйди, — как можно дружелюбнее проговорил Кузьма Авдеев, на всякий случай отступив за косяк.

На крыльце появился длинный худощавый старец в желтом романовском полушубке. Его бил озноб: тряслась окладистая борода. В призрачном свете луны лицо казалось бескровным, как у святого на иконе.

— Семка дома? — спросил Кузьма и, не дожидаясь ответа, ринулся в избу. Навстречу раздался выстрел. Двое красногвардейцев кинулись на помощь Авдееву. Вскоре они вывели со связанными руками Семена Янкина.

— Кто Ведерников? — спросил Аргентовский, обращаясь к пленным.

Бандиты угрюмо молчали. Аргентовский повторил вопрос. На этот раз из толпы вышел коренастый мужчина, на полголовы выше его. Лавр узнал в нем возницу.

— Ты? Очухался?

Тяжелым немигающим взглядом Ведерников уставился на Аргентовского. На скуластом обветренном лице его ходили желваки, огромные кулаки то сжимались, то разжимались.

— Не дури, дядя, — жестко сказал Лавр. — Пошли.

КОМИССАР МИЛИЦИИ

Март начался резкими холодами и обильными снегопадами. Встала утром Анна Ефимовна — сенную дверь не открыть, припечатало огромным сугробом. Василий Алексеевич, кряхтя, стал натягивать зипун, а она прошла в горницу, разбудила Костю:

— Подмогни отцу снег убирать.

— А меня пошто не будишь? — высунулся из-под одеяла Лавр.

— Тебе на работу, а им чё? Путай кости разомнут…

Снег убрали быстро. Через полчаса проголодавшиеся, разгоряченные, так же дружно хлебали щи. В окно дробно застучали. Синица…

— Добрую весточку принесла, — улыбнулась Анна Ефимовна.

— Откуда им добрым-то быть, — возразил Василий Алексеевич. — Затяжную весну чует. Сегодня же Евдокея.

Не ошиблась синичка. Только Лавр на порог — дежурный по управлению милиционер Бармин навстречу:

— Хотел нарочного посылать. Тебя в партийный комитет вызывают. Климов. Срочно, грит.

Аргентовский взбежал по крутой лестнице на второй этаж, остановился перед дверью, обитой старой потрескавшейся клеенкой, перевел дух.

Откинувшись на спинку кресла, Александр Павлович Климов что-то рассказывал Ястржембскому. Тот сидел на подоконнике, закинув ногу на ногу, сцепив руки на левом колене, внимательно слушал.

Климов встал, подтянутый, стройный, шагнул навстречу Лавру, протянул руку. Сказал коротко, тоном приказа:

— Принимай, Лавр Васильевич, горуездную милицию. С губернией согласовано. Совдеп тоже на нашей стороне, хотя не весь.

Лавр вспыхнул, потупился. Стать комиссаром горуездной милиции… даже в мыслях не было… С его ли характером? Ему бы в нардоме спектакли устраивать или учительствовать в детском приюте. С мальчишками любит возиться… А в милиции — ну, рядовым, куда ни шло!

Аргентовский слушал Климова будто сквозь сон. Ему казалось, что назначение его, молодого, неопытного, руководителем милиции — непоправимая ошибка.

Но тут же мелькнула мысль: «Почему не попробовать? Не трус, испытал себя. Молодой? Так и Ястржембский с Климовым не старики, года на два-три постарше».

Когда пришло решение, Лавр облегченно вздохнул:

— Согласен. Пиши комиссаром.

Ястржембский порывисто встал с подоконника, сильно тряхнул руку Аргентовского.

— Поздравляю с новой должностью. Ну, пся крев, эсерам хвост крутить будем… Не мешай революции!

Климов напутствовал новоиспеченного комиссара:

— За ревтрибунальцев держись. Они твои друзья и помощники. Тебе с ними банду Ведерникова громить.

— Атаман же в тюрьме… — возразил Аргентовский. Но Климов перебил его.

— То не все. У Ведерникова преемник есть. Васька Шпон. Головорез из головорезов! Сам атаман его побаивался. Теперь у Васьки руки развязаны. Сейчас банда у Осиновского кордона квартирует. Человек двести в ней. Два пулемета и даже пушка. Как вы, Игнатий Адамович, а я думаю, что Васька напуган арестом Ведерникова и не сегодня-завтра лагерем станет в другом месте.

Домой Лавр возвращался поздно. Вспоминался Петроград. С каким волнением читал он тогда письма сестренки Наташи, написанные под диктовку матери.

> «Дорогой Лаврушенька! — писала она. — Каждая твоя весточка — радость для нас. Вечером собираемся все и читаем. Тоська прямо пляшет от радости. Очень хочется посмотреть, каким ты стал. Одним глазком бы взглянуть! Прошу тебя: снимись на карточку и вышли. Ты пишешь, что служба идет хорошо. Царя спихнули. А у нас как было при Николашке, так и осталось. Отец все нервничает: куда-то бегает, с кем-то лается. Меньшевиков костерит почем зря! А намедни ты мне приснился. Будто сижу у окошка, гляжу — а ты на лошади проскакал куда-то. Я тебя узнала. Кричу, ты не слышишь. «Нехороший сон», — сказывает бабушка Пелагея, соседка наша. Помнишь? Сто пятый ей пошел. Скрипит помаленьку. Береги себя. О нас не беспокойся».

Постучал в окно. Через несколько секунд в кухне вспыхнул свет. Мать, видимо, ждала, прикорнув на лежанке.

— Что-то долго, сынок? — с тревогой спросила Анна Ефимовна, убирая со стола клубок пряжи со спицами. — Верно, опять без стрельбы не обошлось? О, господи, когда это кончится!..

— На этот раз без стрельбы, маманя. Но дел невпроворот. Я теперь начальник.

— Начальник?

— Комиссар горуездной милиции…

— Вон как! Прямо сразу и — комиссар…

Позевывая, из горницы вышел отец. Он слышал разговор и, лукаво щурясь, сказал:

— Эк вас, комиссаров-то, будто в печке пекут…

Лавр промолчал. Он знал привычку Василия Алексеевича серьезный разговор начинать с подковырки.

— Какой из тебя комиссар?! — продолжал он. — И брюшком жидковат, и голос, как у псаломщика Иакова. Да и людей, поди, боишься, слово народу сказать не можешь. Вон Городецкий… комиссар так комиссар!..

— Ладно, батя, не боги горшки обжигают, — садясь за стол, улыбнулся Лавр. — Нам, простым людям, революция власть дает, а мы бы тараканами в стороны? Этак-то и растопчут ненароком.

Василий Алексеевич сел напротив, степенно пригладил короткие усы.

— Верно говоришь. Главное, чтоб душа кипела за революционное дело. У нас, на приисках, вовсе старичок всем заправлял. Щуплый такой, в чем душа держится, а ума — палата.

— Хватит, отец, — прервала его Анна Ефимовна, ставя на стол миску со щами. — Лавруша на обед не приходил, проголодался, а ты разговорами потчуешь.

— Не встревай, мать, в мужской разговор, — обиделся Василий Алексеевич. — Худого я ему не присоветую. — Немного помолчав, чтобы переключиться на прежний тон, спросил:

— Ты Ленина один раз видел?

Лавр испытующе глянул на отца: к чему он клонит? Однако на лице Василия Алексеевича было лишь неподдельное любопытство.

— Один. На Финляндском вокзале.

До первых петухов затянулся разговор. Не спала и Анна Ефимовна. Убрав со стола, принялась за вязание. Удивительные истории рассказывал Лавруша. Трудно было поднимать революцию. Спасибо Ленину, что на путь наставил людей!

Не вытерпела Анна Ефимовна, свое слово вставила.

— Брательника Костю пристроил нито куда… Меньшой он у нас, а ить семнадцать ужо стукнуло. Пора бы за ум браться.

— Вот и я о том хотел посоветоваться. С завтрашнего дня милицию начнем перетрясать. Не взять ли его конным? Лошадей любит. Остальному подучится.

Василий Алексеевич насупил брови. Анна Ефимовна, подперев голову руками, вопросительно поглядывала то на сына, то на мужа. Видимо, предложение Лавра застало их врасплох. Начиная разговор о Косте, Анна Ефимовна думала: может, в

ученики куда устроит Лавруша, а тут — милиция…

Наконец Василий Алексеевич, не отрывая глаз от стола, раздумчиво сказал:

— Я так мыслю. Ежели милицию строить на новый лад, старую порушить всю след. Выгнать всех до последнего.

— Зачем всех?.. — возразил Лавр. — Среди милиционеров, какие в штате числятся, и хорошие люди есть. Бывших полицейских, кадетов, эсеров и другую шваль в три шеи турнем.

— Я к тому, што милиция из лучших пролетариев состоять должна, а молокососам, как наш Костя, там делать нечего. Я так понимаю: милиционер — что солдат, — продолжал Василий Алексеевич. — Ему с ружьем расставаться никак нельзя. Случилось што — милиционер туда: кто на Советскую власть замахнулся? А у нашего Кости одна беготня да голуби на уме.

— Ты не прав, батя. Костя уже не молокосос. Ну, жизни не знает, так это поправимое… Раз да другой себе шишку набьет, третий — поостерегется.

Василий Алексеевич опять задумался. Затем из-под седых бровей на сына ласково блеснули глаза.

— Ладно. Пиши брательника в милицию, коли так… Но поимей в виду: с ним еще горя хлебнешь. Объясняй ему что и как.

КОНЕЦ БАНДЫ ВАСЬКИ ШПОНА

Ночь темная, безлунная. По булыжной мостовой гулко цокают копыта — конный милицейский отряд поднят по тревоге. Вперед ускакал дозор и будто растаял в черной мгле. А надо спешить, пока бандиты с обозом не улизнули в свою берлогу.

Полчаса назад красногвардейский патруль подобрал раненного ножом в спину сторожа фуражного склада. Два его напарника убиты. Бандиты нагрузили зерном несколько пароконных подвод и отбыли в сторону Мало-Чаусово. А там куда — на Глинки или Белый Яр?

У Мало-Чаусовского переезда отряд задержался: со стороны Петропавловска шел грузовой поезд. Аргентовский спешился, зашел в будку железнодорожного сторожа.

За маленьким откидным столиком седоусый старик пил чай. Он даже головы не повернул в сторону вошедшего. «Может, глухой?» — подумал Лавр и громко спросил:

— Обоз тут не проходил, дедусь?

— Чего орешь?! — насупился старик. — Ай, не глухой… Ездют тут всякие, а ты должон знать, куды и зачем…

Он неторопливо откусил кусочек сахару, подул в блюдце, отхлебнул глоток и уже более миролюбиво сказал:

— Кубыть, проходил.

— В какую сторону?

— А я почем знаю? Кубыть, туды, к Белому Яру.

— Когда? — допытывался Аргентовский, теряя терпение. Но сторож невозмутимо продолжал ритуал чаепития. Наконец, он поднял глаза на стену, где размеренно тикали ходики с кукушкой, поставил блюдце на стол и неторопливо ответил:

— Ишшо кукушка не куковала… Кубыть, часу нету…

Лавр выбежал из будки, вскочил на коня.

— Помазкина ко мне! — передал по колонне комиссар. Через минуту из темноты вынырнул конник.

— Слушаю, товарищ комиссар!

— Возьмите с собой двух-трех человек, езжайте в Мало-Чаусово. Обойдите дворы, выясните: не проезжал ли обоз к мосту. Отряд догоните у Белого Яра.

Аргентовский стал привыкать к седлу. Оно уже не казалось таким жестким, и спина не ныла, как раньше… Две недели не слезал с коня — мотался по уезду, проверяя работу волостных отделений милиции. Большинством из них руководили эсеры. Такие работники не внушали доверия, и Аргентовский решительно заменял их. А когда возвратился в Курган, в совдепе

лежало несколько жалоб.

— Что станем делать? — озадаченно спросил его секретарь Солодников.

— Разбираться, — в тон ему отвечал Лавр. — Если не прав, наказывайте.

…По субботам Аргентовские топили баню, которую арендовали у соседей. Василий Алексеевич надевал старую шапку и рукавицы, брал с собой жбан квасу, плескал на каменку, отчего пар делался вязким, душистым, и яростно хлестался веником.

— Во дает! — восхищался Костя.

— Молокососы!.. — кряхтел на полку отец. — Пару испугались… А еще милиционеры…

Лавр хлопал Костю по голой спине, смеялся:

— Вот он как нас поносит… Батю, конечно, не одолею, а с тобой потягаюсь… Замачивай второй веник.

Костя принимал вызов. И, как только отец, кряхтя и постанывая, выбегал в предбанник, братья забирались на полок, мутузили себя до тех пор, пока кто-нибудь не сдавался.

Из бани возвращались разомлевшие, еле передвигая ноги. Весь вечер Анна Ефимовна отцеживала квас. После ужина в горнице по полу Лавр с Костей раскатывали кошму и блаженно засыпали.

В этот вечер в окно громко забарабанили: пришел вестовой из управления милиции. Братьев растормошил Василий Алексеевич.

…В темноте невнятно бормотали ручьи. Лавр поежился, плотнее замотал шарф: тает, а все равно холодно.

В стороне от дороги тявкнула собака, пахнуло дымком. «Белый Яр, — определил Аргентовский. — Надо разведку послать». Не успел распорядиться, как зацокали копыта и на взмыленных конях подскакали разведчики Помазкина.

— Товарищ комиссар, бандитский обоз через Глинский мост направился в сторону Падеринки, — доложил командир группы.

— Подробнее, — попросил Аргентовский.

— Старик сказывал: вышел ко двору, корова у него телиться должна, слышит — брички тарахтят. Глянул из подворотни — около десятка подвод и верховые при них. Конных немного.

— Сколько?

— Человек пятнадцать, может, чуток поболе.

«Значит, двигаются тем же курсом, только другим берегом, — прикинул Лавр. — Да, Климов как в воду глядел. Васька Шпон в самом деле «квартиру» сменил. В кремлевские леса подался. Что же делать? Вернуться к Глинскому мосту?.. Время упустишь… Как переправиться на другой берег?»

Не громко, но так, чтобы все слышали, комиссар спросил:

— В отряде рыбаки есть?

— Есть, — отозвалось несколько голосов.

К Лавру протиснулся здоровенный детина. Лица его Аргентовский не разглядел, но по островерхой папахе узнал новичка — Сизикова. «Молодой, а бородища окладистая, рыжая, как у попа… — И сразу же — другая мысль: — Надо позаботиться о внешнем виде милиционеров».

Детина откашлялся в кулак, сказал простуженным басом:

— До германской, товарищ комиссар, я с отчимом весь Тобол излазил, почитай, до самой Белозерской. Ночь-заполночь каждую заводь, маломальскую тропку найду.

— Скажи: лед еще крепкий? Если лошадей переправлять, выдержит?

— Поглядеть, стало быть, надо, — детина потеребил бороду. — Попробую с шестом пройти, тогда ответствую.

— По коням! — скомандовал комиссар.

Будоража деревенских собак, отряд стремительно промчался по улице. На крутом берегу спешились. Аргентовский сошел вниз и остановился перед промоиной. За спиной послышался густой бас бородатого милиционера:

— Бочажина неширокая, товарищ комиссар. Сажени две, не боле. Пару жердей и — там.

— А лошадей как?

— Что-нибудь соорудим. Деревня-то, поди, лесная…

Разобрали загородку ближайшего к реке стожка, бросили жерди через промоину, и несколько человек осторожно двинулись по льду к противоположному берегу.

— Лед выдержит! — раздалось оттуда несколько голосов.

— Помазкин! — крикнул снизу Аргентовский. — Обойдите ближайшие подворья, найдите досок.

Вскоре переход для лошадей был готов. Аргентовский сам проверил прочность трапа: прошелся туда и обратно, попрыгал на середине.

Река дышала холодом. Под ногами похрустывал ледок, хлюпала вода. Лошади скользили, падали. Их поддерживали, некоторых выносили чуть не на руках. Конники изрядно вымокли. На другом берегу разложили костры из сухого тальника, немного обогрелись, подсушили портянки и двинулись в путь.

Большинство милиционеров были курганцами, хорошо знали местность и без труда разгадали замысел Аргентовского: переправившись через Тобол, комиссар решил встретить бандитский обоз между Падеринкой и Кремлевкой.

До Передергиной шли на рысях, разогревая коней. Затем резко повернули на восток. Вскоре отряд пересек большак и

вышел к увалу.

Предрассветная мгла редела, когда показалась темная стена бора. Едва заметная тропка, петляя среди кондовых сосен, порой совсем исчезала. В распадках еще виднелись грязноватые сугробчики снега.

Наконец между деревьями посветлело. Аргентовский дал знак остановиться, шепнул ближайшему коннику:

— Григорьева и Пережогина — ко мне…

Горяча коней, подскакали два милиционера. Один из них — высокий, молодцеватый, в кавказской бурке — Пережогин. На нем лихо сидит кубанка с алой лентой. С первого взгляда угадывается казак, отчаянный рубака. Аргентовский назначил его инструктором, поручил кавалерийскую подготовку отряда. В дни учений более требовательного командира не было. Он страстно любил джигитовку, сам виртуозно владел клинком, мастерски управлял конем. Костя во сне бредил Пережогиным. Мать прикладывала ладонь ко лбу сына: не жар ли? Опять ссадина на щеке, никак с лошади упал… А наутро, горестно вздыхая, просила его:

— Осторожнее, сынок. Этак и вязы свернуть недолго.

Михаил Григорьев — небольшого роста, плотный, будто налитый соком. Из-под высокой смушковой папахи выбивается кудрявый вихор. Круглое лицо, чуть тронутое оспой, кажется совсем юным. На самом деле ему под тридцать. Успел изрядно хлебнуть окопной жизни на германском фронте, имеет два Георгия. Домой, в Курган, вернулся по ранению и до службы в милиции работал слесарем на консервном заводе Сорокина. Григорьев — весельчак и балагур, храбр, исполнителен. Люди тянутся к нему. Подъехав, Григорьев прикрыл рот ладошкой.

— Что с вами? — спросил Аргентовский.

Кто-то из конников прыснул в кулак.

— Язык прикусил он, товарищ комиссар. Упал. Стоя на седле ехал.

— Бог шельму метит, — улыбнулся Лавр. — Ну, да язык сегодня ни к чему. С Пережогиным в разведку пойдете. За бором должен быть летник. Приглядитесь, нет ли свежих следов.

Разведчики вернулись скоро.

— По всему, обоз еще не проходил, товарищ комиссар, — доложил Пережогин. — Следы есть, но старые и в сторону города, ежели по отпечаткам подков судить.

— А теперь езжайте навстречу обозу. Опушкой. Из лесу не высовываться, шуму не поднимать. Услышите, брички тарахтят — сюда.

Аргентовский выстроил отряд двумя полусотнями. У всех

серьезные, сосредоточенные лица. Многие идут в бой первый раз. Волнуются. У комиссара тоже неспокойно на душе: как оно все получится…

Первые лучи солнца скользнули по вершинам деревьев. Рядом затенькала дроздовка, ей отозвалась другая. «Будто соседки поутру здравствуются», — подумал Лавр. Вгляделся: на ветке молоденькой сосны серенькая птичка расправляла клювом перышки, совершая утренний туалет.

Между вершинами проглядывали лоскутки высветленного неба. По ним, нежно розовея в лучах восходящего солнца, плыли перистые облака. День обещал быть ярким и теплым. Аргентовский на минуту закрыл глаза. Почудилась знакомая мелодия: как-то в Петербургской консерватории довелось слышать «Сказки Венского леса». Обрывая ее, раздалось резкое «Кр-р-р-а», словно скрипнуло высохшее дерево. Лавр глянул вверх: над вершинами сосен проплыла зловещая тень. Рядом кто-то вздохнул:

— Ворон… Чует запах крови…

Аргентовский привстал на стременах.

— Товарищи! Мы подошли к логову банды. Приказываю: шума не поднимать, стрелять только в крайнем случае. Клинок — вот наше оружие в сегодняшнем бою… Бандиты подло убили сторожей, забрали хлеб, который ждут голодные дети революционного Питера. Васька Шпон и его головорезы заодно с контрреволюцией. Смерть врагам пролетарского народа!

По тому, как запереговаривались конники, Лавр понял: приободрились, не подведут.

Прискакал Григорьев.

— Товарищ комиссар, банда!.. В версте отсюда. Семнадцать верховых. Девять пароконных подвод. Последним — тарантас с пулеметом.

Первой полусотне Аргентовский приказал оставаться на месте, перекрыть дорогу на случай, если кто прорвется, а другой — выдвинуться вперед и рассредоточиться на опушке бора. Сигнал для атаки — выстрел из маузера.

Березняк, выступом прилепившийся к бору, надежно укрыл конников. Лавр спешился, залег у самой дороги, за стволом рухнувшего дерева. Не выдали бы кони… Заржет чей-нибудь резвый маштачок, почуя незнакомых лошадей, — худо будет. Пулемет — вещь серьезная…

Взяв на себя обязанность «успокоить» пулеметчика, Лавр внутренне содрогнулся. Он понимал: так надо, иначе нельзя, но стрелять в человека — это претило ему.

С детства Лавр любил животных. Ему не стукнуло еще и

шестнадцати, когда отец устроил его на мельницу Смолина подручным кочегара. К концу смены уставал до изнеможения — руки и ноги дрожали, голова разламывалась. Но нередко, возвращаясь с работы, он приносил за пазухой то бездомного котенка, то охромевшего голубя… Мать ворчала, грозила выбросить их на улицу, однако уступала сыну.

Летом на чердаке Лавр с отцом делали клетки и разные загородки, где жили ежи, сова, зайчонок, певчие птицы. Ненавидел Лавр только мышей.

Была и осознанная ненависть, ненависть к врагам революции, к бандитам, мерзким людишкам, с которыми пришлось встречаться за два месяца работы в милиции. Были среди них и такие, что из-за денег, богатства готовы перегрызть горло родной матери.

Грабителей-убийц Лавр за людей не считал. В них — ничего святого, ничего человеческого. Зверье!

Однажды ночью в Тихоновском краю города красногвардейский патруль обнаружил труп молодой женщины. Она погибла от ножевых ранений в спину, но бандит разрезал ей рот, вырвал зубы. Как потом выяснилось, три — золотых. С болью и состраданием глядел Лавр на жертву бандитской жестокости. Воображение рисовало омерзительно страшный портрет убийцы — заросшее ржавой щетиной лицо, огромный горбатый нос, налитые кровью глаза… И как был удивлен, когда в управление привели задержанного преступника! Глазам своим не поверил. В кабинете дознавателя сидел элегантно одетый парень. Стройный. Красивый. Убийца спокойно, щеголяя блатным жаргоном, расписывал подробности интимной жизни с вдовушкой, которую выманил из квартиры, чтобы ценой ее жизни овладеть золотыми зубами.

Такая ненависть, такая бешеная злоба охватила Лавра, что руки потянулись к кобуре. Он поспешно вышел из кабинета дознавателя.

Легкий утренний ветерок донес перестук колес, глухой топот копыт.

Проехала группа верховых… Заскрипели колеса первой подводы. Лавр осторожно выглянул. Две вороные лошади тянули груженую телегу. Поверх мешков восседал мужик в дубленом полушубке. Аргентовский, укрывшись за деревом, мысленно подсчитывал подводы: «…четыре… пять… восемь…» Вот и тарантас с пулеметом. На высоком облучке пьяно клевал носом возница. Толстый, в домотканом сюртуке, подпоясанном цветным кушаком, он походил на Емелю с лубочной картины, виденной Лавром в детстве на Шадринской ярмарке. За спиной возницы,

накрывшись полушубком, безмятежно храпел еще один бандит. Третий бодрствовал. Ватник крест-накрест перетянут пулеметными лентами, ухарски сдвинута на затылок офицерская фуражка с высокой тульей. Облокотившись на колесо станкача, он лузгал семечки.

Маузер привычно лежал в руке. Аргентовский чувствовал ответственность момента, а потому целился тщательно и дольше обычного. Выстрела почти не услышал, лишь заметил, как дрогнули и удивленно взметнулись брови бандита. Запрокидываясь, пулеметчик стал медленно валиться на бок.

Перемахнув через колоду, Лавр бросился к тарантасу. Спавший бандит вскинулся, потянулся к ручкам пулемета, но дать очередь не успел — Аргентовский опередил его выстрелом в упор.

Возница принялся остервенело нахлестывать лошадей, сбивая пристяжного вправо, на жнивье. Однако Лавр уже схватился за плетеную спинку тарантаса. На ухабе тряхнуло так, что едва не выронил маузер. В ту же секунду появился всадник. Блеснула сталь клинка, и возница стремительно нырнул под передок. Кони, всхрапывая и тесня друг друга, остановились. Аргентовский забежал вперед, схватил коренника под уздцы. Подняв голову, увидел Костю. Тот сидел на коне бледный, взъерошенный… Клинок валялся на земле.

— Ты чего? Ранен?

Костя молчал, как загипнотизированный, глядя куда-то в сторону. Лавр перевел взгляд и позади тарантаса увидел распростертый на земле труп возницы. Он понял состояние брата, тряхнул плечами, будто сбрасывая тяжелый груз.

— Не убивайся. Это — дерьмо, а не люди. Трех сторожей ночью убили и дядю Васю Сысолятина. Мало-Чаусовский. Помнишь? Пятеро осталось. Мал-мала меньше.

Костя спешился, поднял саблю, кинул в ножны. Лицо его по-прежнему было угрюмым. Подошел к Лавру, хотел что-то сказать, но в это время подскакал взволнованный Помазкин.

— Товарищ комиссар, один бандюга все-таки сбег. Ребята его в сторону Колташовой погнали.

Аргентовский глянул на часы и удивился: бой длился всего пять минут, а ему показалось… Да, нервы…

К Лавру подвели плюгавенького рыжеусого мужичонку. Его била мелкая дрожь, и руками он неловко придерживал лязгающие челюсти.

— Кто такой? — спросил Лавр уже знакомого бородатого милиционера, который подталкивал пленного сзади, как нашкодившего мальчишку.

— Это? Возница, товарищ комиссар. Мы — из лесу, он — на дышло. Меж конями распластался и лежит. Я и так, и сяк… Никак достать саблей не могу. Злость прошла, вылазь, говорю, не трону. Молчит. Вылазь! Молчит. Я спешился, хвать за ворот — и наземь. Он — кусаться. Ах ты, мразь!.. Ну, и кулаком этак слегка…

Окружившие их конники захохотали.

— Потом всем скопом вправляли скулу.

— Нашли чем хвастаться… — Аргентовский почувствовал в своем голосе фальшивые нотки и досадливо поморщился. Слишком мягко получилось. Сказал резко: — Позор революционным бойцам издеваться над пленным! Другой раз накажу по всей строгости.

Конники притихли, удивленно запереглядывались: какая муха комиссара укусила?

Чтобы разрядить возникшее напряжение, Лавр шутливо спросил Григорьева, стоявшего ближе всех:

— Что случилось? На вас лица нет. Опять язык прикусили?

— У него еще с того разу, — ответил за Григорьева Пережогин. — Зато в разведке — красота… Мычит только да руками маячит.

Кто-то сдержанно засмеялся, кто-то прыснул в кулак, чтобы не сбивать рассказчика. Повеселели лица конников. Вот-вот грянет дружный хохот. И вдруг — топот копыт… Рассыпавшись мелкой дробью, он замер по ту сторону березнячка, где Лавр только что сидел в засаде. Все повернули головы, насторожились.

— Наши. И коня ведут. А бандита, видно, пуля настигла, — услышал Аргентовский подавленный голос Кости и подумал: «Ничего, обкатается парень».

Первым подъехал Бармин, доложил:

— Товарищ комиссар, живым бандита взять не смогли — больно уж резвым жеребчик оказался. Ежели б не болотина, ушел. Мы тут… — Бармин спешился. К нему подвели серого в яблоневых накрапах коня. Дугой выгнув шею, он фыркал и косил диковатыми темными глазами. — Желаем подарить тебе этого скакуна. От чистого сердца…

Бармина поддержал весь отряд.

— Возьми, комиссар, обчеством просим. Он получше твоего маштачка, донских или орловских кровей будет.

Аргентовский молча схватил коня под уздцы, слегка хлопнул по шее и прыгнул в седло. Под тяжестью тела скакун присел на задние ноги, потоптался на месте, затем могучей грудью прорезал толпу милиционеров, вымахнул в поле. Лавр поставил его на дыбы. Какое-то мгновение всадник и лошадь застыли, словно изваянные из гранита. Потом, встрепенувшись, конь птицей

распластался по степи и скрылся за косогором.

— Вот это да… — мечтательно вздохнул Григорьев. — Ветер!

И будто прорвало плотину: все заговорили разом, обсуждая резвость скакуна. Кто-то спросил:

— Братцы, а кому комиссар спасибо должен сказать?

— Савельеву. Он коня добыл.

— Не я. Пуля.

Тем временем на косогоре снова появился всадник и стал быстро приближаться. Помазкин подал команду:

— По коням! Рав-няйсь!

Послушный руке Аргентовского конь остановился у самого строя.

— Благодарю за подарок, товарищи. Спасибо! — Привстав на стременах, комиссар слегка поклонился.

Солнце было уже довольно высоко. Аргентовский щелкнул крышкой карманных часов — девять. Задумался. Конники притихли. Наиболее сообразительные догадались, какие мысли завладели комиссаром. Помазкин молча подтолкнул к нему пленного возницу, мол, послушай, что рассказывает этот бандюга, и принимай решение. Лавр благодарно глянул на своего помощника.

Пленный рассказал, что банда Васьки Шпона недавно перекочевала на летнюю квартиру, ее лагерь у непроходимого болота, раскинувшегося верстах в трех от Кремлевки. В банде — сто двадцать — сто тридцать человек. Было больше, но после ареста Ведерникова многие ушли кто куда, вернее, сбежали. У новоявленного атамана сегодня праздник — день рождения. Начало гульбища в полдень. Из Чистопрудного ждут Васькину зазнобу. Он решил сделать ей щедрый подарок — несколько подвод зерна. Для этого и был совершен налет на фуражный склад Курганского совдепа.

Аргентовский собрал командиров взводов на короткое совещание. Численность противника невелика. Да и случай подходящий. Но успех операции будет зависеть от внезапности. Решили: первая полусотня делает обходный маневр и наступает со стороны дороги Падеринка — Кремлевка; часть другой полусотни, переодевшись в одежду убитых бандитов, продолжает путь с обозом. Один взвод двигается параллельно — лесом.

…С раннего утра в «гнезде» Васьки Шпона необычное оживление. У атамановой землянки, именуемой шатром, под сенью двух громадных сосен установлены столы. Сам Васька, навеселе, бродил между ними, пробуя кушанья, которые подносили с кухни лагерные повара. Атаман одет по последней моде. На нем — темно-синий кафтан из тонкого сукна, красная

шелковая рубашка; широченные плисовые шаровары аккуратно заправлены в хромовые, гармошкой, сапоги; на голове — суконная зимняя кепка, украшенная желтыми подснежниками. По случаю праздника Васька даже побрился, оставив для солидности маленькие усики.

Несмотря на запрет — до застолья в рот не брать хмельного, — многие успели приложиться. На грозные выговоры атамана отвечали: «Так то, батька, еще вчерашнее помутнение в голове».

Наступил полдень. Шпон волновался: «Ну, обоз мог запоздать: туда и обратно расстояние немалое, кони устали… А она-то че, стерва, маньяжит?!»

Атаман и мысли не допускал о нападении на его людей: отряды Советов еще ни разу не выступали за пределы города. Да и соглядатаев у Васьки везде немало — предупредили бы…

— Едут, едут! — разнеслись по лагерю голоса дозорных. Васькино воинство заторопилось к опушке бора.

Атаман приосанился, одернул кафтан, поправил кепку и тоже заковылял между деревьями, по пути пригрозив Микитке Кривому, вертевшемуся у столов:

— Сопрешь чего — последний глаз вырву!

Обоз шел не спеша. Впереди — тарантас с пулеметом, позади — конные… Видно: лошади с трудом тянут груженые брички по раскисшей дороге. Значит, удачно съездили.

— Глянь-ко, Дорофей на тачанке — каким гоголем, — загалдели в толпе. — А и где Ванька? Нализался, поди, и дрыхнет, стерва. Не миновать ему атаманской плетки!

Между тем возница привстал, хлестнул лошадей. Те рванули. Тарантас стал быстро приближаться. Верховые тоже перешли на рысь, оставив обоз далеко позади. В сотне саженей пристяжной в тарантасе заупрямился и сбил коренника на обочину.

— Очумел Дорофей спьяну, никак оглобли в город повертывает, — засмеялись встречающие. — Ишь, пондравилось!

И тут заработал пулемет. В первую минуту бандиты онемели. Затем раздался истошный вопль: «А-а… Убили, братцы!..» В панике бандиты бросились к лагерю. Но и там уже гремели выстрелы, искристо блестели на солнце клинки. Бандиты заметались между заполненными яствами столами, опрокидывая их.

День рождения Васьки Шпона стал днем его смерти. Когда атаман, увлекаемый толпой, бежал к лагерю, навстречу из кустов выскочили конники. Васька выхватил из кармана револьвер, но замешкался, путаясь в широченной штанине, и выстрелить не успел.

Банда перестала существовать.

ГОРЯЧАЯ НЕДЕЛЯ

Медленно, словно нехотя, меркли отблески вечерней зари. Аргентовский вышел на высокое крыльцо управления и остановился. Что-то необычное было в этом майском вечере. Ах, да — в палисадниках распустились тополя и клены. Все по календарю. Это он потерял счет времени. Сколько ночей не спал? Три? Четыре? Горячая была неделя…

В прошлый понедельник в кабинет комиссара милиции ворвалась Оня Пузикова. Со сбившимся платком, зареванная, порывисто метнулась к Лавру. За ее спиной виновато топтался дежурный:

— Товарищ комиссар, я не пускал… Гражданочка сами…

Лавр ладонями приподнял голову девушки, заглянул в глаза.

— Что произошло?

Присутствующие деликатно покинули кабинет.

…С Оней Пузиковой, выпускницей педагогических курсов, Лавр встретился три года назад. Тогда, до службы во флоте, он учился в Петроградской консерватории и в Курган приехал на каникулы.

Познакомились на танцевальном вечере, и Лавр в тот же день проводил девушку домой. Потом встречались ежедневно, чаще всего — за «турбинкой», на берегу речной заводи, заросшем густым ивняком.

Их светлую дружбу не прервал отъезд Лавра: Оня часто писала ему в Петроград.

…Взволнованная Оня рассказала: несколько минут назад у скобяного магазина Галямина ее остановили двое. Одеты с претензией на моду: в кепочках с лакированными козырьками; на одном — коричневый жилет поверх серой косоворотки, на другом — желтая рубашка под поясок с кисточками. Лица серые, землистые. Первый, скуластый и горбоносый, чуть выше своего приятеля, шмыгал носом и безголосо шипел:

— Ежели ты, комиссарская шлюха, за Женьку замуж не выйдешь, в могилевскую сыграешь…

В руке другого — нож.

— Понятно? Считай, твой хахаль уже тама.

Судорожно всхлипнув, девушка прижалась к груди Лавра.

— Я так испугалась за тебя… Может, думаю, ранен или…

Тяжело вздохнув, Оня на минуту задумалась, а затем рассудительно сказала:

— Я знала, что Евгений Годовых[1] — нахал и повеса. Но сейчас мне кажется — он враг…

Годовых до революции служил в объединенной конторе маслодельных артелей. В конце семнадцатого года он оказался в совдепе. Правда, должность была не очень уж видная, всего лишь помощник секретаря, но он из кожи лез, чтобы выбиться в начальство. И преуспел — вскоре стал заведующим протокольным отделом.

Оня познакомилась с Годовых в клубе пожарного общества, где играла в спектакле молодящуюся барыню. Спектакль прошел успешно. На сцену поднялся Годовых и от лица властей поздравил самодеятельных артистов. А потом увязался за Оней и проводил домой.

У ворот он пытался поцеловать девушку, но она ответила ему пощечиной и захлопнула калитку.

Годовых стал преследовать Оню. То встречал ее по дороге с работы, то являлся в школу с какой-нибудь проверкой и, выпроводив из кабинета заведующего, приглашал молодую учительницу на беседу. Предлагал руку и сердце. Потом стал угрожать. И семья кузнеца турбинного завода Пузикова вскоре почувствовала властную руку Годовых.

В кузнечном цехе, выполнявшем заказ крестьянской секции совдепа, произошла авария — сорвался молот. Пузикова обвинили в саботаже и посадили в домзак. Вернулся он дней через пять, еле волоча ноги, худой, избитый. Доставил его на пролетке сам Годовых. По простоте душевной старик уверовал: это Годовых его «вытащил из тюрьмы». Затем Годовых заслал сватов в дом Пузиковых. Отец дал согласие выдать дочь за «уважаемого» человека, однако Оня заупрямилась. Кузнец применил старый испытанный метод — вожжи, но это не помогло. Дочь ушла из дому.

И вот теперь это предупреждение…

Аргентовский сразу же позвонил председателю ревтрибунала. Ястржембский пригласил его к себе, вызвал членов следственной комиссии. Случившееся обсуждали долго. Понимали: Годовых связан с какой-то уголовной шайкой, но как это доказать?.. Решили: шума не поднимать, организовать сыск бандитов. На другой день Лавр с Оней после работы пошли в кино.

После разгрома банды Васьки Шпона и других мелких грабительских шаек комендантский час был отменен и с апреля в кинотеатре «Весь мир» ввели вечерние сеансы. Сидели в последнем ряду. Пересохшая пленка трещала и рвалась, зрители начинали свистеть. Под этот шум Лавр успевал поцеловать любимую.

В конце сеанса контролерша крикнула:

— Аргентовский, на выход!

Лавр поспешно стал пробираться к выходу в фойе. В это время порвалась пленка и неожиданно вспыхнул свет. Аргентовский оглянулся, чтобы кивнуть девушке на прощание, и увидел дула двух револьверов, направленных в его сторону. Видимо, яркий свет ослепил бандитов — они промедлили. Лавр пригнулся и резко бросился к двери.

В фойе рассыльный из управления о чем-то беседовал с контролершей. При виде Аргентовского он выпрямился, щелкнул каблуками и козырнул.

— Оружие с собой? — спросил его Лавр.

— Имеется.

— Заприте входную дверь и позвоните дежурному по управлению: пусть немедленно посылает сюда людей, — сказал Лавр контролерше. — А вы — за мной!

К выходу успели вовремя: брякнула задвижка и на улицу выскочили два парня. Рукояткой маузера Лавр сбил переднего с ног. Однако другой проскользнул мимо и, отстреливаясь, побежал по Троицкому переулку.

— Этого веди в управление, — приказал Аргентовский рассыльному, — а я попробую догнать того.

Однако задержать второго преступника не удалось. Не дало результатов и прочесывание близлежащих дворов, проведенное прибывшим дежурным нарядом. Зато его сообщник, Степка Ивачев, сразу признался во всем. На допросе он рассказал, что вторым был Аркашка Клуня. Рецидивист. Полтора года назад вместе бежали из лесных лагерей, попали в банду, скрывавшуюся в Челябинских копях. В конце прошлого года банду разогнала милиция. Степка подался домой и решил завязать. Жил у матери тихо, мирно… А тут, как снег на голову, Клуня с дружками явился. Сказывал: по чьему-то заданию в Курган приехали. Прошлую ночь в засаде сидели. Вернулись перед рассветом «под мухой», злые… Какого-то бывшего офицера вспоминали.

Трижды допрашивал Ивачева сам Аргентовский, но ничего нового не добился.

— Все как есть я тебе выложил, комиссар. Истинный крест!

Шайки Клуни на квартире Ивачевых не оказалось. Оставили там засаду. Но на другое утро бандиты дали о себе знать: совершили покушение на комиссара банков М. Н. Петрова[2], ранили его в руку.

Вернувшись с осмотра места чрезвычайного происшествия, Аргентовский вызвал заместителя командира конного милицейского отряда Помазкина и приказал привести конников в боевую готовность. Затем позвонил председателю совжелдепа Тептелеву, попросил организовать осмотр пассажирских и

товарных поездов, уходящих со станции.

Когда Лавр разговаривал по телефону, вошел помощник дежурного по управлению и положил на стол телеграмму, в которой губернский комиссар милиции запрашивал: что сделано по борьбе с самогоноварением в городе и уезде. Аргентовский пробежал ее глазами, задумался.

Что сделано? Да, ничего, если не считать полутора десятков аппаратов, конфискованных у населения. А гонят самогон многие. Занятый комплектованием и обучением кадров, ликвидацией контрреволюционных банд, грабительских шаек, борьбой со спекулянтами, комиссар забыл о самогонщиках. По правде сказать, и не знал, как с ними бороться. На днях состоялся довольно резкий разговор с председателем крестьянской секции совдепа Пичугиным. Дмитрий назвал крупную цифру — якобы столько пудов хлеба ежемесячно крестьяне и жители города расходуют на самогон. Лавр усомнился:

— Ты что, ходил по дворам и считал?

Пичугин оборвал:

— Вслепую работаете, комиссар. Научитесь пользоваться статистикой.

Дмитрий, конечно, погорячился. Но и Лавр только теперь понял значимость вопроса, который беспокоил председателя крестьянской секции. Винные лавки и спиртзавод давно не работали, а в ярмарочные и базарные дни улицы города кишели пьяными компаниями. Значит, пьют самогон и брагу. В ход, конечно, идет зерно. «А что, если…» — Аргентовский снял телефонную трубку, позвонил Ястржембскому:

— Игнатий Адамович, у меня есть кое-какие соображения насчет облавы. Думаю провести ее под видом конфискации самогонных аппаратов. Конечно, надо обсудить. К Зайцеву? Сейчас буду.

В кабинете председателя Совета собрался узкий круг ответственных работников горуездных организаций. На совещание были приглашены члены ревтрибунала, Климов, Аргентовский и Городецкий. Прошло оно быстро, по-деловому. Собственно, говорил только Зайцев.

— Покушения на Аргентовского и Петрова показали: у нас в городе свила гнездо контрреволюция. Руками уголовных элементов она снова начала террор против партийных и советских работников. Надо упредить события, а не ждать, когда нам свернут головы. Михаил Васильевич, — Зайцев повернулся к Городецкому, — на данный момент, сколько красногвардейцев можешь дать милиции?

Тот крякнул и полез в карман за кисетом. Климов стукнул

пальцем по виску:

— Что-то медленно твоя бухгалтерия работает, Миша.

— Скоро кошки котятся да слепыми родятся, — отпарировал Городецкий и, в свою очередь, обратился к Зайцеву: — Вам только вооруженных, Евгений Леонтьевич, или всех?

— Тех и других.

— Три сотни с оружием и две — без.

— У Кравченко на складе сотня винтовок наберется. Сейчас же получи и выдай. Четыре сотни красногвардейцев да сотня милиционеров — это сила, — продолжал Зайцев. — Лавр Васильевич, обмозгуй план облавы и к обеду мне на стол. Провести ее надо сегодня ночью. Клуню взять живым.

Над городом опустился теплый майский вечер. В хороводе звезд на темно-синем небе появился месяц. Одна звездочка, самая расторопная, забралась ему на кончик рога, кому-то подмигивает.

…Чуткая, ломкая тишина поселилась на улицах города. Только на широком дворе управления горуездной милиции слышатся приглушенные голоса да всхрапывание лошадей. Буквой «П» выстроились сотрудники. Руководители групп негромко выкрикивают фамилии, отводят людей в сторону, объясняют границы участков, инструктируют.

В накинутом на плечи бушлате с высокого крыльца спускается комиссар Аргентовский. К нему подбегает командир конного отряда Чупин, рапортует:

— Товарищ комиссар, гарнизон милиции построен. Люди к облаве готовы.

— Во дворе совдепа ждут группы красногвардейцев, надо слить их с нашими. На станции облаву проводите вы сами. Остальное знаете. — Немного подумав, Аргентовский добавляет: — Запомните: Клуню взять живым.

Всего лишь полдня было затрачено на подготовку, но проходила операция организованно и четко. Несколько групп окружали квартал, одновременно заходили во все квартиры, проверяли сараи, чердаки и сеновалы. Подозрительных задерживали и отправляли в управление, где с ними разбиралась следственная комиссия.

Труднее приходилось тем, кому попадались квартиры бывших работников земской управы. Строптивые хозяева, преисполненные еще сознанием былой высоты положения, чванливо упрямились, требовали разрешения на обыск, грозили…

Аргентовский решил сам проверить, как работают отдельные группы, и отправился на самый ответственный участок — железнодорожную станцию.

Небольшое каменное здание вокзала было окружено кольцом конной милиции, на которое изнутри напирала толпа. На путях не было ни одного пассажирского поезда, а люди с кошелями, узлами и чемоданами куда-то рвались, что-то доказывали, стараясь протиснуться через конный строй. В воздухе стояли шум и гвалт.

Забравшись на тендер маневрового паровоза, подогнанного на первый путь, командир конного милицейского отряда Чупин старался перекричать бушевавшую толпу.

— Граждане и гражданочки! Призываю к спокойствию. Мы, пролетарская милиция, кроме хорошего ничего вам не сделаем. Проверим документы и катитесь на все четыре… Революционный долг велит нам ловить самогонщиков, которые переводят дорогое зерно на дерьмо, спаивают людей до скотов, наносят вред нашему пролетарскому делу.

Чупина никто не слушал. От волнения и натуги он взмок, но продолжал ораторствовать.

Аргентовский, ведя коня в поводу, направился к паровозу. Заметив комиссара, Чупин спустился вниз.

— Слушай, а куда все рвутся? — нагнувшись к его уху, спросил Лавр.

— Бог их знает… — удрученно махнул тот рукой. — Целый час бьемся — никакого толку… Бежать хотят…

— Бежать? Куда?

Вместо ответа Чупин пожал плечами.

— Прикажи конникам расступиться. Пусть их…

Милиционеры повернули коней и отступили в стороны. Только что бушевавшая толпа словно задохнулась: наступила такая тишина, что слышно было, как позванивают удилами лошади. Аргентовский подошел к бородатому старику в шапке с оторванным ухом. В полусогнутой левой руке старик держал два узла, в правой — суковатую палку с металлическим набалдашником. В свете фонаря, тускло освещавшего перрон, под лохматыми бровями старика растерянно поблескивали выцветшие глаза.

— Ну?..

— Чего «ну»?

— Вы куда-то торопились… — спокойно сказал комиссар. — Пожалуйста, путь свободен.

— Куды народ, туды и я…

— А народ куда?

— Не знаю…

Кто-то засмеялся. Старик в сердцах плюнул на землю и, повернувшись, стал протискиваться к зданию вокзала. Вскоре

перрон опустел. Успокоившиеся пассажиры зашли в вокзал. Милиционеры приступили к проверке документов.

В эту же ночь Аргентовский побывал на квартире бывшего полицейского исправника Иконникова. Получилось, собственно, случайно. Лавр не знал, кто живет в большом двухэтажном особняке на Дворянской улице. Услышав доносившиеся со двора голоса, подъехал к распахнутым воротам.

— А, это вы, комиссар… — Из-за угла навстречу шагнул маленький коренастый мужчина с винтовкой наперевес. — Заместитель командира красногвардейского отряда Сорокинского завода Авдеев, — представился он. — Полчаса тарабаним — и никакого толку…

— В окна стучите, — посоветовал Аргентовский. Наконец сквозь щель ставни на первом этаже пробился огонек, затем мужской бас за дверью спросил:

— Кого черти носят?

— Откройте. Милиция.

— А может, не милиция? Всякий народ шастает…

— Да милиция же…

— Открой ставню, покажись.

К окну подошел Аргентовский.

— Комиссара знаю.

Дверь открыл высокий мужчина. Был он босиком, в исподнем белье.

— Срам-то хучь прикрой! — крикнула ему женщина из глубины сенок.

— Ничаво… Хучь и милиционеры, а все одно мужики, — забалагурил мужчина, словно обрадовавшись позднему визиту «гостей». — Сюда, сюда проходите. А то кабы их благородия не проснулись. Беды не оберешься…

— Кто такие? — спросил Лавр, когда вошли в полуподвальную комнату, тускло освещенную коптилкой.

— Мы али они? — Мужчина ткнул пальцем в потолок.

— Их благородия.

— Неужто не знаете? — искренне удивился он. — Исправник Курганского уезда господин Иконников-с. Бывшие оне. Там, наверху, проживают. Женка моя кухаркой у их служила, пока я на германской вшей кормил. А теперь, вишь, не надо стало, хватеру ослобождай, потому как муж изранетый с фронту явился да красную заразу в дом принес. Седни вечером баталия Состоялась. И не столь Михаил Васильевич, сколь Софья Борисовна бунтуют.

В квартире Иконниковых не спали: дверь открылась тотчас. В прихожей Аргентовского встретила розовощекая пухлая хозяйка. Засуетилась, приглашая в боковую комнату.

— Проходите, проходите. Из милиции? Я так и знала!.. — всплеснула руками Софья Борисовна и, присев на краешек стула, залилась горькими слезами.

— Что вы знали? — спросил Лавр.

— Знала, что судьба его предопределена.

— Чья судьба?

— Михаила Васильевича, мужа моего. Говорила: сходи к властям, скажись… Покаянную голову и меч не сечет, — продолжала причитать хозяйка. — Скажите: много ему грозит? А может, расстреляют?

Она прижала руки к пухлой груди, раскрыла рот и по-детски вопрошающе уставилась на Лавра, словно ожидая, что он сию минуту разрешит все ее сомнения.

— Считаете, что вашего мужа должны судить?

— Не успокаивайте, пожалуйста. Так всегда бывает, когда меняется власть.

Аргентовский внимательно посмотрел на Иконникову. Она потупилась и грустно, сквозь слезы, улыбнулась:

— Я не перестаю думать: вы, большевики, будто родились в сорочках. Все-то у вас легко и понятно. А мы, служащие, вечно приспосабливаемся к власти.

«Мысли хозяйки понятны, — подумал Лавр. — Интересно, что думает и чем живет сам исправник?..» И, обращаясь к Иконниковой, спросил:

— Могу я видеть Михаила Васильевича?

Она встрепенулась.

— Пожалуйста! Не откажите в любезности пройти в соседнюю комнату. Он давно ждет вас.

У резного, красного дерева, шкафа в кожаном кресле сидел тучный мужчина в темном шелковом халате. В скупом свете семилинейной лампы холодно поблескивали стекла его очков. Из-под седеющей щетки жестких усов, закрывающих тонкую верхнюю губу, торчала прямая трубка. Глаза под тяжелыми полуопущенными веками глядели мрачно.

Лавр поздоровался. Иконников, привстав, поклонился.

— Чем могу служить?

— Я — комиссар Курганской горуездной милиции Аргентовский. В целях пресечения самогоноварения произвожу обыски.

— Пожалуйста. Препятствовать не благоразумно, — пыхнул он трубкой и, проследив за плывущим по комнате колечком, спохватился: — Садитесь, комиссар. Пусть ваши люди занимаются своим делом.

Лавр кивнул сопровождавшему его Авдееву: «Начинайте», —

и вновь обратился к Иконникову:

— Предлагаю оружие сдать добровольно.

Хозяин неторопливо подошел к письменному столу, выдвинул ящик, достал новенький вороненый браунинг, подержал на ладони, будто прощаясь с ценной реликвией, положил на край стола.

— Надеюсь, он вам не пригодится, — улыбнулся Лавр, давая понять, что прибыл в дом с самыми мирными намерениями.

— Дай-то бог, — вздохнул Иконников. — Думаю, перед народом больших преступлений у меня нет. Делал то, что требовалось по долгу службы.

— Это другой вопрос. Подозревать или обвинять вас в чем-то у меня пока нет оснований. А дальше — жизнь покажет. Все будет зависеть от вашей лояльности.

— Лояльности? И это говорите вы мне, полицейскому чиновнику? Простите, но я не могу понять вас, — искренне удивился Иконников.

— А тут и понимать нечего, — как само собой разумеющееся сказал Аргентовский. — Революция выпотрошила, можно сказать, наизнанку вывернула старую Россию. Но это не значит, что мы должны оттолкнуть тех, кто раньше не разделял наши взгляды. Им тоже найдется дело, если они станут честно сотрудничать с Советской властью, работать, не держа камень за пазухой.

Иконников сидел в кресле, прикрыв лицо ладонью, думал.

— Знаете, что меня ночами терзает? — не меняя позы, наконец сказал он. — Как могло случиться, что история так зло подшутила над нашим классом? В чем беда и в чем боль наша?

— Ну, об этом как-нибудь на досуге. Извините, что не имею больше времени. Дела…

Аргентовский вежливо поклонился и вышел.

Облава закончилась перед рассветом. В воздухе уже чувствовался утренний холодок, когда Лавр возвращался домой. Он был в приподнятом настроении. Главное — сделано. В одном из притонов на Пушкинской улице схвачена шайка Аркашки Клуни. Все пятеро. Произошло это так.

Оцепив очередной квартал, милиционеры направились было по домам, но их остановил красногвардеец Савельев.

— Погодите, братцы. Здесь, второй дом от угла, проживает Фроська Бобкова. Раньше притон содержала. Ворья там разного бывало… Околоточный ее постоянно таскал к исправнику. Может, и счас…

Помощник командира конного отряда милиции Григорьев, руководивший группой, приказал соблюдать тишину, никаких действий не начинать. Опросив соседей, он узнал, что с вечера в

доме Фроськи долго горел свет, по всему — были гости.

Григорьев внимательно осмотрел подворье. Оказалось, что из хлева в сенцы есть дверь. Если ее открыть, можно попасть на кухню.

При свете фонаря долго возились с внутренней задвижкой, но открыть не смогли. Тогда ломами приподняли и сняли с петель дверь. Ворвались в горницу. Бандиты спали на полу. Спьяну никто из них не мог сообразить что произошло, только Клуня, как был в нижнем белье, так и бросился в окно. Кто-то ударил его прикладом по голове. Звенькнуло стекло и бандит вместе с рамой повис на подоконнике.

— Осторожно! — крикнул Григорьев. — Сказано: брать живым…

Бандита привели в чувство и вместе с остальными отправили в управление.

Весь день следственная комиссия возилась с Клуней. Лишь к вечеру он рассказал, что приехали в Курган из Златоуста, послал их старый дружок, рецидивист, по кличке Муха, который, судя по всему, был там связан с какой-то контрреволюционной организацией. Велел связаться с Годовых, выполнять его поручения. От него, Евгения Годовых, и получил задание: «убрать» трех-четырех партийцев. Вчера Годовых принес задаток — кулон и два золотых перстня. Остальное, полфунта золотых вещей, должен получить, когда выполнит задание. На завтрашний вечер у них назначена встреча в доме 20 по Береговой улице. Ястржембский позвонил Аргентовскому.

— Лавр Васильевич, рассыльного до меня пошли. Есть новость.

Вскоре от Ястржембского принесли ордер на арест Годовых и записку:

> «Сделай это вечером. Шум не поднимать. Спрячь его в одиночку и позвони мне».

Годовых дома не оказалось. Хозяйка, молодая вдова, что-то напевая, вешала в горнице занавески. Привыкшая к ночным гостям постояльца, на стук в дверь не откликнулась. Когда Лавр вошел и поздоровался, сразу же сказала:

— Ежели вы к Жене, то его нету дома.

— Где его найти?

— А вам зачем?

— Надо.

Она повернулась, удивленная таким ответом, смерила Аргентовского изучающим взглядом: это еще что тут за тип?!

— Где Евгений?

— Ежели срочно, завтра он сам вас найдет.

— Мы дальние, — соврал Лавр. — Ночевать не резон. Крайняя нужда к нему.

— В пожарку, сказывал, пошел. Спектаклю разыгрывать хотят, так он на эту…

— На репетицию, — подсказал кто-то из сопровождавших комиссара милиционеров.

Хозяйка кивнула головой.

…В сумрачном зале пустые ряды скамеек. Над сценой густо коптили две висячие семилинейные лампы, освещая импровизированный плетень из ивовых прутьев и угол деревенской избы. Перед избой ходил толстый, с брюшком, мужчина. Он тряс длинной мочальной бородой и громко кричал:

— Хлеба им подавай… На-ко, выкуси, голь перекатная!..

На мгновение Лавр задержал взгляд на суфлере. Тот, высунувшись из-за ширмы, шепотом подсказывал:

— Дьяволу душу заложили…

Но мужчина, изображавший кулака, молчал. Он смотрел на только что вошедших вооруженных людей, раскрыв рот от удивления.

Суфлер сердился. Грозно выкатив глаза, шипел:

— Говори: «дьяволу душу заложили»… Оглох, что ли?! Тьфу!..

И тут за круглой голландской печкой Аргентовский увидел Годовых. В черном костюме-тройке сидел он в кресле прямой и жесткий. Темные, аккуратно подстриженные усики на смуглом лице почти сливались с тонкой верхней губой.

Извинившись перед артистами, Лавр подошел к Годовых. Тот встал, заложил руки в карманы, надменно заговорил:

— Кто дал вам право бесцеремонно врываться сюда? Идет репетиция. Завтра спектакль. Я, как представитель совдепа…

Аргентовский нахмурился.

— Бывший… Вот ордер на арест.

Не глядя на бумажку, которую протягивал комиссар, Годовых продолжал:

— Вы кто такой?

— Комиссар горуездной милиции Аргентовский.

— Самоуправством занимаетесь, комиссар. Ответите за это!

— У вас будет достаточно времени обжаловать мои действия, — улыбнулся Аргентовский, вынимая из внутреннего кармана арестованного браунинг. — На всякий случай разрешите посмотреть, что в других карманах. Может, лишние вещи имеются?

Годовых с наигранной покорностью расстегнул пиджак и вывернул карманы брюк.

ПЕРЕД БУРЕЙ

По распоряжению Совета каждая организация и учреждение должны были заготовить дрова на зиму. Кроме того, им вменялось в обязанность поставить такое же количество дров для населения города.

Аргентовский прикинул: на это дело хватит двух дней, если бросить на заготовки две третьих списочного состава управления. И в конце мая горуездная милиция отправилась на кордон Шух.

Работой в деляне руководил командир конного отряда Чупин, в прошлом десятник лесоповала. Комиссар вместе со всеми пилил и выкорчевывал деревья. В первый же день деляна была почти полностью выпилена. Работали допоздна.

Вечер выдался тихий и звездный. На опушке бора вспыхнули костры. Вбили сошники, повесили ведра с водой для будущего чая с заваркой из листьев смородины, развязали сидоры с домашней снедью. Поужинали. Сделали шалаши и расположились спать. Некоторые остались у костров выкурить самокрутку, да так и засиделись.

С непривычки у Лавра ныла спина, ломило руки. Он прилег в шалаше, но сон не шел. У тлеющего костра вспыхивали четыре папиросных огонька. Доносился неторопливый разговор.

Аргентовский любил вечерние посиделки, где собирались мужики пожилые, повидавшие жизнь, много знающие такого, что любо-дорого послушать.

— Поглядите, сколько лесу валехнули, а! Нешто хозяину потрафили бы эстолько…

— Недаром комиссар намедни про коммунизму баил.

— Дожить бы да поглядеть, что с чем едят.

— Доживем. Не мы, так дети или внуки наши…

Помолчали. Лишь слышно было, как коростель кого-то уговаривал: «Спать пора, спать пора…»

— Ежели контра обедню не испортит.

— Как бы она не злобствовала, теперь ей нас не одолеть…

Сухая земля донесла едва различимый топот копыт. У костра прислушались.

— Никак кто-то скачет?..

…В первой половине мая на станцию Курган прибыл странный поезд — весь из теплушек с маленькими зарешеченными оконцами. Состав медленно подходил к перрону, где его встречала огромная толпа. Паровоз резко тормознул, пересчитав вагоны, и окутался белесым облаком пара. Ударил станционный колокол, люди бросились к вагонам. Но

раздвинулись двери и из теплушек посыпались солдаты в серых мундирах. Толпа замерла, затем отступила назад.

Вскоре курганцы привыкли к таким поездам. Чехословацкий корпус, сформированный из бывших военнопленных, двигался во Владивосток, чтобы оттуда морем возвратиться на родину.

Трудности, связанные с нехваткой паровозов и топлива, не дали возможности за короткий срок перебросить корпус в порт назначения, и он растянулся почти через всю страну. Этим воспользовались враги Советского государства. Правящие круги Антанты, внутренняя контрреволюция и реакционное офицерство организовали мятеж чехословацкого корпуса, сумев лживой пропагандой вовлечь в него значительную часть солдат.

Сведения о подготовке к мятежу в Курганский совдеп стали поступать в мае. Вначале это были неопределенные слухи, но вскоре поведение белочехов, ставших фактическими хозяевами станции, серьезно встревожило партийную организацию. На совместном заседании совдеп и совжелдеп приняли решение всеми силами задерживать эшелоны на станциях, не давать им возможности продвигаться на восток, чтобы распылить силы контрреволюции.

…У костра осадили коней двое — лесник и помощник дежурного по управлению милиции. Милиционер подал Аргентовскому, вышедшему из шалаша, пакет. Кто-то бросил в костер сухих сучьев — взметнулось пламя. Комиссар разорвал конверт, извлек четвертушку синей бумаги, вырванной из какой-то конторской книги, и узнал размашистый почерк председателя Совета Зайцева. Он предписывал: немедленно прекратить работы и всем прибыть в город. К 8 часам утра Аргентовскому явиться в совдеп.

А. П. Климов, председатель Курганского комитета партии большевиков.

Е. Л. Зайцев, председатель Курганского совдепа.

…Сизый махорочный дым облаком клубился в кабинете председателя.

— Кажется, собрались все, кого приглашали. Начнем, — сказал Зайцев, сдвигая бумаги на край стола. Он извлек из-под

мраморной чернильницы форменный телеграфный бланк, надел очки и стал медленно читать:

— Вчера ударами мятежных чехословацких войск пал Челябинск. Примите меры защиты города.

Евгений Леонтьевич поверх очков обвел взглядом присутствующих. В кабинете воцарилась настороженная тишина. Началось… С минуты на минуту мятеж может вспыхнуть и здесь, в Кургане.

Первым нарушил молчание Зайцев.

— Не паниковать, товарищи. Приказываю: немедленно приступить к формированию рабочих дружин, обучению их по плану, который мы составили с Климовым. На совместном заседании комитета партии и совдепа сегодня его рассмотрим и утвердим.

Поднялся Александр Климов, уставший, с красными от бессонницы глазами.

— Мы прикидывали так и этак и пришли к выводу, что своими силами город не отстоять. Надо привлечь крестьян уезда. Воззвание подготовлено. Редактор газеты «Известия» Ян Пуриц отпечатает и разошлет по волостям.

— Разрешите спросить, — перебил Городецкий, — а где взять оружие?

— Не торопись поперед батьки в пекло. Все скажу, — недовольно поморщился Климов. — Все вы немедленно командируйте людей в села для формирования боевых крестьянских дружин. И сразу же двинуть их к городу. У многих бывших фронтовиков оружие припрятано. Даже бомбы найдутся. На худой конец, и с дробовиками принимать можно. Собрать в кучу пулеметы, каковые в наличности. В милиции — два. Так, Лавр Васильевич? Один на охране тюрьмы. Три. И на железной дороге есть…

Совещание затянулось. На обед никто не пошел. У каждого — куча дел, которые надо срочно решить, согласовать, утрясти. Когда, наконец, все вышли, Лавр подошел к столу председателя совдепа. Зайцев вопросительно глянул снизу вверх.

— Я насчет совдеповской кассы. Спрятать бы куда…

— Верно! — вскинулся Евгений Леонтьевич и даже пристукнул костяшками пальцев по столу. — Как это мы раньше не подумали?! — И принялся звонить комиссару банков Петрову. — Нет? А где? Найдите. Пусть немедленно зайдет ко мне. Зайцев говорит. Да, да.

Вскоре у председателя совдепа состоялось новое совещание. На него были приглашены четверо — Климов, Аргентовский, комиссар банков Петров и заведующий земельным комитетом

Менщиков. Обсуждали, где спрятать кассу. Сошлись на предложении председателя комитета партии большевиков Александра Климова. Он сообщил, что в городе на всякий случай создана подпольная организация. В случае чего деньги пойдут на нужды подполья. Договорились: Менщиков получает деньги якобы на организацию медицинской помощи населению сельской местности, а также помощи беднейшим крестьянским хозяйствам и передает подполью. Тайник знают только присутствующие на совещании.

В управлении горуездной милиции из помещений выносили столы, стулья, шкафы. Их место занимали кровати и топчаны. В зале для заседаний стучали молотки, визжали пилы. На дверях комиссарского кабинета висел приказ о переводе личного состава милиции на казарменное положение.

К вечеру во дворе управления дымила полевая кухня. Повар в халате и белом чепце разливал щи в котелки и миски. Милиционеры рассаживались на крыльце, прямо на земле. Ели с аппетитом, не зло подшучивая друг над другом.

— А пошто, братцы, не распорядиться бы комиссару насчет сна.

— Мастер ты, Елфим, на такие штучки, — сразу отозвалось несколько голосов. — Жрать да спать — твои первейшие дела.

— Прошлый раз послали нас в засаду на конокрадскую тропу. Пришли. Сели. Темень… хоть глаз выколи… Посидели… Хвать — нет Елфима. Шумнуть нельзя. Обшарили поблизости кусты. Нету. Никак сбег, думаем.

— Есть такие, што темноты боятся, — вставил кто-то.

— Есть, — согласился рассказчик. — Но у Елфима другая болезнь. Чупин в панику: «Как, — говорит, — я перед комиссаром отчитываться стану — сам Елфима в милицию привел, как фронтовика-однокашника?» Слышим: будто ветер по вершинам сосенок шумнул. Хр…у…у… Потом свист. Длинное коленце… Куда там соловью!.. Пошли — он лежит кверху пузой. Рот — до ушей и храпит, аж кусты до земли клонятся…

— Ври, ври, Парфен, — возмутился Елфим под общий хохот. — И вовсе не так было.

Увлеченные рассказом, не заметили, как подошел комиссар.

— Это когда конокрадов за деревней Фатеры накрыли? А мне Чупин не докладывал.

Первым вскочил Елфим, за ним поднялись все. Заговорили наперебой, предлагая Аргентовскому посидеть с ними. Разговор сразу перешел на главное.

— Неужто чехи сунутся?

— Сунутся. Теперь уж точно, — категорично подтвердил

Аргентовский. — Контрреволюции они задаток дали: Челябу, Златоуст, Петропавловск…

— То-то гляжу: Бакиновы, Галямины, Сорокины гоголями ходють. А намедни Годовых веду к следователю. «Шпокнули бы тебя, гадину, скорее, — говорю, — и дело с концом». У него рот до ушей, физиономия довольная… «Не успеете», — ответствует.

— Чуют жареное, паразиты…

— Ишо как…

— А могут чехи побить нас, товарищ комиссар? — спросил Григорьев, выглядывая из-за широкой спины бородатого милиционера, который был проводником во время разгрома банды Васьки Шпона.

— Да, сила сегодня на их стороне. Может, и город придется сдать…

— Без боя? — ужаснулся кто-то.

Лавр сбил фуражку на лоб.

— Вот я и хотел с вами совет держать. Как лучше: драться до последнего издыхания или поднять руки? Отдать все снова капиталу, только б нас не тронули…

Наступила тишина. Аргентовский переводил взгляд жгуче-черных глаз с одного на другого, ждал. Первым заговорил Григорьев. Будто простонал.

— Да меня батя живым съест…

Никто не стал доискиваться — за что. Мысли Григорьева были понятны без слов. Милиционеры загомонили, будто вешний ручей, пробившийся сквозь снежную наледь.

— На такое дело родительского благословения не жди.

— Веди нас, комиссар, в бой.

БОЙ НАЧАЛСЯ НА РАССВЕТЕ

Первого июня белочехи предъявили ультиматум — потребовали передать им всю власть в городе. К этому времени на станции стояло шесть эшелонов с более чем двумя тысячами семистами солдатами и офицерами чехословацкого корпуса. К ним примкнули курганские белогвардейцы.

Совет отверг это наглое требование.

Ночь с первого на второе прошла в тревожном ожидании. Усиленные красногвардейские, рабочие и милицейские посты несли службу у почты, банков, на подступах к тюрьме.

Еще с вечера небо покрылось облачной пеленой. Ни звезд, ни луны.

Милицейский отряд охранял подступы к банку. В случае отступления групп и отрядов самообороны он должен прикрыть их и через Троицкий мост выйти из города последним.

На рассвете со стороны вокзала донеслись редкие выстрелы. На минуту все стихло. Затем в районе тюрьмы повел ровную строчку пулемет. В ответ послышались редкие винтовочные хлопки. Звуки боя приближались, становились яростнее. Вот уже стреляют на Пушкинской улице, где оборону держат моряки военного комиссара Владимира Губанова.

Наступило хмурое утро.

Наблюдатель, сидевший на крыше банка, крикнул:

— Грунт отходит!

Аргентовский приставил лестницу, взобрался на крышу. Не успел приложиться к биноклю, как по железной кровле будто сыпанули горохом. Лавр юркнул в слуховое окно, укрылся за трубой. Когда грохот прекратился, осторожно выглянул, посмотрел в бинокль. По крыше опять затюкали пули. Пришлось снова прятаться за трубой. Но Лавр успел разглядеть нестройные цепи белочехов. Они вливались в Троицкий переулок через Гоголевскую улицу.

«Если отряд начальника тюрьмы Мартина Грунта отходит, то где же матросы Губанова?» — подумал Аргентовский.

Вновь высунулся из слухового окна. На этот раз четко различил позиции Грунта и Губанова. Лицо комиссара просветлело: отряд Мартина дружными залпами прижал белочехов к дороге. Мятежники лежали в пыли и были хорошей мишенью для красногвардейцев, стрелявших из-за домов и палисадников. Но вскоре они поняли свою ошибку и тоже бросились к домам. В это время Лавр увидел самого Грунта, Укрываясь за толстым тополем, он раз за разом стрелял из

винтовки. Затем, широко размахнувшись, кинул бомбу. Раздался взрыв. И, будто в ответ, на противоположной стороне переулка застрочил пулемет. «Губановская матросня поливает», — отметил Аргентовский и крикнул вниз:

— Пережогину выдвинуться на помощь Губанову!

— Как пройти, комиссар? — задрав голову вверх, спросил Пережогин. — Оттуда лучше видать.

Не отрываясь от бинокля, Лавр сказал:

— Огородами до Александровской, пересечь двор Юдниковского дома… и ударить с левого фланга…

Но решение пришлось изменить. Наблюдатель, сидевший на крыше соседнего дома, крикнул:

— Нас обходят!

Аргентовский поднялся на конек крыши. Совсем рядом, на Дворянской, он увидел белочехов. Они шли двойной цепью.

— Пулемет! Пережогин, перекройте улицу Свободы против базара. Нас обходят.

Прижимаясь к палисадникам, навстречу белочешским цепям пробежало десятка два милиционеров. Следом за ними двое волокли пулемет. В одном из них Лавр узнал Костю. «Когда он успел к станкачу определиться?» За последние дни он не видел брата. Костя выполнял задание Ястржембского и не попадал на глаза.

Первая же пулеметная очередь разорвала цепи белочехов, заставила прижаться к заборам. Атака захлебнулась. Но Аргентовский понял: это успех временный, положение остается тяжелым. Сквозь звуки боя комиссар уловил захлебывающуюся скороговорку пулемета, установленного на колокольне Троицкой церкви. Значит, враг прорвался на улицу Свободы и заходит с тыла. Надо отступать к мосту.

Отряд еще не успел занять оборону на крутом берегу Тобола, а мятежники уже замкнули ближайший перекресток, устремились за отступающими. Пулеметчик на колокольне Троицкой церкви Александр Быза замешкался: то ли выбирал более удобную позицию, то ли менял ленту… Часть вражеских солдат проскочила в расположенный напротив магазин и стала вести прицельный огонь. Стрельчатые своды колокольни заволокло известковой пылью. Начали вызванивать колокола. Сквозь белесую дымку оттуда пробились было конвульсивные вспышки пулеметной очереди и — погасли. По цепи отряда пробежало: «Бызу убили…»

Мятежники забрались на колокольню, и пулемет стал бить по отступающим отрядам самообороны. Особенно свирепый огонь белочехи обрушили на подступы к мосту.

— Вот поливают!.. Головы не поднять…

Аргентовский почувствовал на щеке чье-то дыхание. Скосил глаза — Пережогин. Голова перевязана грязной тряпкой.

— Ранен?

— Ерунда… Ухо пулей малость царапнуло. Другая беда, комиссар: патроны на исходе.

Да, это беда. И силы тают. Но уходить, пока другие отряды не покинули город, — нельзя. Остается одно: занять оборону по ту сторону реки.

— Выносить тяжелораненых! — скомандовал Аргентовский.

Когда отряд перешел мост, он приказал отправить раненых в деревню Смолино.

Бой у моста шел уже третий час. Белочехи никак не могли закрепиться на более низком левом берегу.

Если бы раньше кто-нибудь сказал Аргентовскому, что крошечный милицейский отряд способен встать на пути многочисленного, хорошо вооруженного противника и на несколько часов сковать его действия, — не поверил бы. «Ну и молодцы ребята! Понукать не приходится. Понимают с полуслова». Эти мысли промелькнули так же скоротечно, как скоротечна была передышка, которую дали отряду белочехи, готовясь к очередной атаке.

Троицкий мост… Его по праву называли воротами города. Почти каждый год перед наводнением его разбирали и строили снова то городские власти, то купец Бакинов, чья мельница стояла в излучине Тобола. Много видел он на своем веку: и пугачевские дружины, и тысячные гурты казахских прасолов, и обозы хорезмских перекупщиков, и верблюжьи караваны персидских купцов… В тот день он стал боевым рубежом между двумя мирами… Стоял он, окутанный пороховым дымом, изрешеченный пулями, немой свидетель человеческого героизма.

Немало белочешских солдат приняли воды Тобола, но атаки следовали одна за другой. И комиссар Аргентовский отдал последний приказ:

— Со мной в группе прикрытия останутся двадцать человек. Остальным под командой Пережогина уходить на Моревское.

— Братка, гони не гони, а я с тобой, — твердо заявил Костя.

Лавр согласно махнул рукой.

Один за другим подползали к комиссару милиционеры и — какая уж тут субординация — жали руку: «Ну, Васильич, не поминай лихом…» Лавр был внешне спокоен, даже шутил и на «прощайте» бодро отвечал: «До свидания…» Волнение выдавали только глаза. Темные, круглые, смертельно уставшие, они были необычно строги и как бы подернулись ледком.

На правом берегу Тобола — лишь горстка милиционеров. Белочехи заметили, конечно, как поредела цепочка защитников, усилили натиск. Однако атаки захлебывались, наступающие откатывались назад, оставляя на мосту убитых и раненых.

За время боя Лавр потерял ориентировку во времени, не заметил, что северный ветер очистил небо и выглянуло подбирающееся к зениту солнце. Оглянулся, чтобы проводить взглядом уходивших товарищей. От моста до самого увала ярко зеленела широкая степь, разрезанная голубоватыми разводьями речных стариц. Над нею в безбрежной синеве неба бился маленький комочек — жаворонок. Его серебряная трель, словно ручеек, журчала без умолку. Лавру показалось, что события минувшего утра приснились, что стоит дернуть себя за ухо — и больше не услышишь ни винтовочной трескотни, ни предсмертных вскриков людей.

Костя, лежавший рядом, ткнул его в бок:

— Погляди-ка, братка…

Лавр поднял бинокль, пошарил им и увидел темное кружево железнодорожного моста, а чуть правее… силуэты людей, бегущих на гребень прибрежного холма. Поднялся на локтях, вгляделся: по долине, навстречу уходящему отряду, будто подгоняемая ветром, двигалась темно-серая лента. «Белочехи!.. Откуда?»

— Мать родная… — услышал он голос Кости. — И эта саранча сюда же… На увал глянь…

Увальский тракт пересекала колонна, хвост которой терялся за тополевой рощей. Значит, мятежники переправились выше, у Галкино. Бинокль выскользнул из рук, звякнул о гальку. Минуту Аргентовский безучастно глядел на рощу, откуда змеилась колонна чешских солдат. Когда раздались первые выстрелы со стороны головной группы отряда, занявшей оборону на холме, Лавр встрепенулся:

— Товарищи, мы окружены. Будем прорываться…

Глубоко надвинув на лоб фуражку, комиссар поднялся во весь рост, набрал полную грудь воздуха и крикнул:

— За мной!..

Казалось бы, безрассудно — бежать навстречу столь многочисленному противнику. Но каждый понял: Аргентовский принял единственно правильное решение. Оставаться здесь, у моста, — значит, быть окруженными. А там противник только с одной, южной стороны, да и, соединившись с головной группой, прорваться легче.

Однако пробиться к своим не удалось: на склоне холма уже завязалась рукопашная схватка. Длилась она считанные минуты…

Лавр бросился в кустарник, росший на берегу реденькой стежкой. За ним — остальные. Срезая ветки, в кустах засвистели пули. Кто-то вскрикнул. Перевязывать раненого некогда. Орущая лавина врагов совсем близко. Теперь ее не остановишь.

— Эх, пулемет бы, — процедил сквозь зубы Костя.

— Патроны беречь. Бить наверняка… — послышался ровный голос комиссара.

Лавр вскинул маузер, прицелился в рослого фельдфебеля, вырвавшегося вперед. Отчетливо увидел его красные навыкате глаза, обросший щетиной подбородок. Плавно нажал на спусковой крючок, но… раздался лишь сухой щелчок. В сердцах Аргентовский плюнул, швырнул ставший ненужным маузер в кусты. Рядом кто-то выстрелил. Затем еще и еще. Фельдфебель споткнулся, упал на колени. Лавр стремительно выскочил из кустарника, выхватил из рук раненого винтовку. Отбил направленный в грудь штык и ворвался в гущу врагов.

— Бей их, братва!

Увидел Костю, окруженного солдатами, услышал его натужный голос:

— Братка, помоги!..

Лавр устремился к брату и — упал навзничь от удара прикладом в голову.

Первое, что увидел Аргентовский, очнувшись, — небо. Бирюзовое, подсвеченное изнутри. Его толкнули сапогом в бок, ударили. Скосил глаза: вокруг солдаты. Они стояли, опираясь на винтовки, и смотрели на него с любопытством.

УЗНИКИ 17-й

Лавр пришел в себя на полу железнодорожного вагона лишь к исходу второго дня. Вспомнил, как, окруженные плотным конвоем мятежников, шли — он, Костя, Буждан, тридцать пять-сорок бойцов отряда — через мост, мимо церкви, по Троицкому переулку сквозь толпу городских обывателей и злорадствующих буржуев. Перед вокзалом построили цепочкой и через узкие воротца провели на перрон. На третьем пути ждал товарный состав. Солдаты, орудуя плетками и прикладами, загоняли арестованных в переполненные теплушки. В это время у соседнего вагона появилась очередная группа пленных. Среди них Лавр увидел члена ревтрибунала Зырянова. Кивком головы приветствовали друг друга, и Зырянов замешкался. Офицер взмахнул короткой ременной плеткой, хлестнул его по лицу. Аргентовский не выдержал, подскочил к офицеру и кулаком ударил его в переносицу — тот распластался на грязной, промасленной земле, фуражка отлетела под колеса вагона. Солдаты набросились на Лавра, орудуя прикладами. Он потерял сознание. Бесчувственное тело втолкнули в вагон.

Костя все время был возле брата — подавал пить, бинтовал раны, делал примочки. Под зарешеченным оконцем вагона часто появлялась Наташа — вторая, по возрасту, из четырех детей Аргентовских — приносила лекарства и еду.

— Где мать? — спрашивал Лавр, лежа на полу. Костя, как эхо, повторял вопрос, Наташа отвечала:

— Болеет. Завтра, может, придет.

Костя бодрился, шутил. «Вообще, неунывака наш Костя…» — думал Лавр. Как было б тяжело ему без брата.

На третий день охранники втолкнули в вагон старика. В сумраке Лавр не сразу узнал отца. Василий Алексеевич бодро поздоровался, увидев Костю, обнял, расцеловал его.

— А Лавруша где? Наташка сказывала, в одном вагоне…

Лавр приподнялся на своем ложе:

— Я здесь, батя!

Отец протиснулся между узниками, повернул голову сына к свету.

— Ух, как разрисовали тебя!.. Ничего, заживет… Будет и на нашей улице праздник.

— А ты как сюда?

— Захотелось сынов поглядеть, — грустно улыбнулся Василий Алексеевич. — Уважили. Пришли, арестовали и — сюда. — Посерьезнев, добавил вполголоса: — Думаю, молитвами

Осипа Кузьминых…

…Стоявший у окна Костя первым заметил оживление на перроне. Мимо вокзала промаршировала конвойная рота, свернула к арестантскому составу. Лязгнул откинутый запор, со скрежетом отодвинулась дверь. В вагон ворвался пьянящий свежий воздух.

— Аргентовский Лавр, выходи!

Лавр обнял брата, потом отца. Расцеловались. Стараясь быть спокойным, чуть дрогнувшим голосом сказал:

— Прощайте! Случится что — не поминайте лихом.

Лавр прыгнул из вагона. За ним вызывали других. На перрон вывели поодиночке, затем собрали вместе. Здесь были Климов, Зырянов, Грунт и другие комиссары. Всего девять человек. Под конвоем привели в тюрьму, поместили в семнадцатую камеру. А через два дня появился десятый. Когда конвоиры бросили его через порог камеры, узники не сразу узнали Зайцева. Он был окровавлен, едва дышал. Освободили место на нарах, обмыли раны, сделали примочки.

— Не приставайте, — предупредил Грунт. — Отойдет, сам расскажет, что и как.

С группой красногвардейцев Зайцеву удалось вырваться из города, но в деревне Марковой он попал в руки кулаков. Его избили и под усиленным конвоем отправили на подводе в Курган, выдали белогвардейцам.

— А нам, как видишь, Евгений Леонтьевич, внимание оказывают, — усмехнулся Климов, когда Зайцев пришел в себя. — Содержат вместе.

Несколько дней комиссаров не тревожили. Первым вызвали на допрос Климова. У порога Александр остановился, обвел всех пристальным взглядом. Из глубины камеры шагнул Ян Пуриц, дружески хлопнул по плечу. Ян ничего не сказал, но все поняли молчаливое напутствие: «Держись!.. Двум смертям не бывать…»

Щелкнул замок. По коридору гулко разнесся звук удаляющихся шагов. Все стихло. Узники сидели, привалившись к холодному бетону стены. Думали о Климове. Может, в эту минуту он лежит с простреленной головой. А может, какой-нибудь офицеришка контрразведки, развалившись в кресле, надменно улыбается и цедит сквозь зубы: «Вы комиссар Климов, должны понимать: могу расстрелять, могу повесить».

На самом деле допрос проходил иначе.

Когда Климова ввели в следственную комнату, за столом действительно сидел офицер, только русский. Капитан Постников. Он служил в запасном полку, расквартированном в Кургане. В дни Февральской революции демонстративно сорвал с

себя погоны и пошел работать в продовольственную управу. После белочешского мятежа занял новую должность — начальника контрразведки.

С любезной улыбкой Постников вышел из-за стола навстречу Климову, протянул руку.

— Здравствуйте! Как говорится, мир тесен.

Климов сделал вид, что не заметил протянутой руки, стоял молча, пристально глядя в лицо Постникову. Капитана передернуло. Убрал руку за спину, прищурившись, изучающе оглядел Климова с ног до головы, покачался на носках лакированных сапог. Хмыкнул:

— Не ожидал, что вы, умный и практичный человек, до сих пор не поняли создавшейся ситуации. А я-то думал…

Постников сел за стол, словно решившись на что-то, выдвинул ящик и сгреб туда все бумаги.

— Честно говоря, Климов, мне вас жалко, как военному военного. Наивно, конечно, но я полагал: составим беседу, вспомним солдатчину и подпишу вам пропуск на выход. А получилось нескладно. — Постников сокрушенно вздохнул. — Хотите — верьте, хотите — нет, но я питаю к вам самое дружеское расположение.

Немного помолчав, Постников спохватился:

— Да, кстати, обращаются с вами нормально?

Климов пожал плечами:

— Тюрьма есть тюрьма…

— Если что, требуйте свидания со мной. Помогу. На сегодня достаточно, подумайте обо всем на досуге.

Когда Климов вернулся в камеру, его засыпали вопросами.

— Минуточку терпения, братцы! Расскажу все как на духу. Допрашивал, скорее, не допрашивал, а беседовал капитан Постников. Тот самый, что в продуправе работал. Он не кричит, не топает ногами, не избивает… Это хитрый и коварный человек. С ним вести себя надо осторожно. Чего от нас хотят, я так и не понял…

Вскоре вызвали Сергея Солодникова, секретаря совдепа. С ним Постников не церемонился. Солодникова привели в камеру еле живого, худощавое лицо его распухло, левый глаз был залит лиловым кровоподтеком. Выплевывая кровь изо рта, он глухо сказал:

— Кассу совдепа ищут. Я сказал: мы ее раздали крестьянам на медицинские и другие нужды. Они, конечно, не поверили, стали бить. Но тут зазвонил телефон и в трубку кто-то громко сказал Постникову: «Капитан, она у комиссара горуездной милиции Аргентовского». Так что за тобой черед, Лавруша.

Готовься.

В коридоре раздался перестук кованых сапог.

— За Лавром… — почему-то шепотом предположил Грунт. Зайцев торопливо стал напутствовать Аргентовского:

— Скажи: деньги брал по распоряжению председателя совдепа… ну, там на покупку лошадей, сбруи для конного отряда. А ввиду военного положения пришлось сдать их в кассу совдепа. Спросят: где расписка? Утерял. Или в бумагах, может…

Щелкнул замок. Так и есть:

— Аргентовский, на выход!

Вопреки ожиданиям, Постников встретил Аргентовского любезно.

Раскрыв серебряный портсигар, предложил закурить. Лавр отказался: «Не курю». Начальник контрразведки панибратски хлопнул его по плечу, стал восторгаться твердостью большевистских характеров, льстил по поводу того, что Лавр таким молодым занял высокую должность. А потом — Лавр это понял — перешел к главному.

— Право, не знаю, сможете ли помочь нашему горю… Чехи совершили переворот. Не скрою: люди моего круга рады. Но мы — русские, и пребывание иноземцев на земле Отчизны нежелательно. Следовало бы отправить их восвояси. Иностранные кампании пароходы предоставят. Однако нужны деньги. А их у нас, простите, кот наплакал. Единственный выход — касса совдепа. Хотя бы частично покрыть расходы. Где она? Неизвестно. Ради общего дела подскажи, комиссар. Разумеется, услуга за услугу. Понимаешь, о чем речь? Головой ручаюсь: не узнает ни одна живая душа. Недельку подержим в тюрьме, имитируем побег, объявим в газете — как бы для поиска…

Лавр повернулся к окну. Там, на воле, млел яркий солнечный день. Легкий июньский ветерок кружил, словно снежинки, невесомый тополиный пух. Эх, сейчас бы искупаться!.. Или полежать на затравевшем берегу тобольной заводи, у железнодорожного моста, уткнув лицо в прохладную конотопку.

Сзади послышалось легкое покашливание, сразу вернувшее Лавра к действительности. В нем закипела злоба на этого франтоватого офицера, предателя России. До боли в суставах сжал кулаки. Глухо проговорил:

— Я понял вас и, пожалуй, мог бы принять такое заманчивое предложение, но мне, к сожалению, неизвестно местонахождение кассы.

Постников боднул воздух перед собой, лицо его мгновенно налилось краской:

— Врешь, мерзавец! А где эти деньги?

Капитан выхватил из стола и сунул в лицо Лавру две чайные обертки, оборотной стороной которых за неимением бумаги пользовались для письма. Лавр узнал свои расписки, которые дал 28 мая заведующему продпунктом. Расписки на сумму 11 400 рублей.

— Ах, эти… Как же, получал. По распоряжению председателя совдепа должен был купить лошадей и сбрую для конного резерва милиции. Но, сами знаете, военное положение началось, не до того стало, и я сдал деньги в кассу совдепа.

Контрразведчик снова натянул маску любезности. Затем деловым тоном сказал:

— Придется навести справки еще раз…

Если первый допрос Аргентовского прошел относительно мирно, то следующий был кошмаром.

Перемену в методах действий Постникова Лавр почувствовал сразу, как только переступил порог здания контрразведки. Его грубо толкнули к лестнице, ведущей в подвал, заставили повернуться лицом к стене и минут десять «ждать приема» у двери следственного кабинета.

Постников стоял у стола, заслоняя собой маленькое зарешеченное оконце. В правой руке он держал сыромятную плетку, сложенную вдвое, и нетерпеливо похлестывал ею о голенище сапога. На скуластом лице играла злорадная улыбка.

— А-а-а, это ты, комиссар… Надеюсь, в данной обстановке разговор наш будет предметнее? Садись, рассказывай…

Лавр готовился ко всему. Но от полумрака подвального кабинета и вида начальника контрразведки в груди у него заныло, будто сдавили сердце.

— Ну?!

Лавр опустился на стул.

— Если вы насчет совдеповской кассы…

— Ты о расписках скажи, — сдерживая ярость, сквозь зубы процедил Постников. — Куда спрятал деньги, которые у заведующего продпунктом получил.

— Я же говорил…

Плеть со свистом рассекла воздух. Лавру показалось, что в лицо плеснули кипятком. Он инстинктивно закрылся руками. Второй удар пришелся через плечо по спине. Когда плеть свистнула третий раз, Лавр медленно встал и, сбычившись, двинулся на Постникова. Тот отступил за стол, начал поспешно расстегивать кобуру. Стукнула дверь, в кабинет ворвались подручные капитана, сбили Аргентовского с ног.

— В боксерскую! — услышал он голос Постникова.

Лавр приходил в себя медленно. В голове звенело, голоса

доносились издалека, словно сквозь стрекот тысяч кузнечиков. Ему казалось, что находится в бескрайней ковыльной степи, изнывает от жажды. В висках толчками пульсирует кровь. Кружится голова. Он бежит к синеющему на горизонте озеру, торопится, но озеро вдруг растворяется в пляшущем мареве. Он останавливается и проваливается в огнедышащую яму. Где-то рядом голоса:

— Намочи тряпку, Михаил… Обложи голову…

— Вот изверги…

— Истязать человека в каждой контрразведке умеют. С первобытных времен.

— Вряд ли первобытные люди так мучили свои жертвы.

— Это от бессилия перед духом человека. Не станут же терзать того, кто на первом допросе сломился.

— Пить!.. Пить хочу!.. — кричит Лавр, а его почему-то не слышат. Наконец, прохладная струйка влаги скатилась в рот. Он судорожно глотнул. Тело как будто парализовано, нет сил открыть глаза. Так же медленно возвращалась память. Вспомнил: волокли в подвал, чем-то били, железным обручем стягивали голову. Нестерпимая боль корежила тело… Казалось, вот-вот из орбит выскочат глаза… Спасло то, что потерял сознание. Очнулся мокрый… Тельняшка неприятно холодила тело. Снова увидел выхоленное лицо Постникова.

— Где касса?.. Куда спрятал деньги?..

Лавр молчал. Это взбесило капитана. Он грязно ругался, остервенело пинал беспомощное тело.

…Скрипнула ржавая дверь. Солдат в сером мундире, выпучив остекленелые глаза, торопливо доложил:

— Господин капитэн, вудце скупины[3] Ян Сыровы к тебе.

Под грузными шагами заскрипели ступеньки деревянной лестницы.

Постников и его помощники вытянулись, не смея шевельнуться. Сыровы, слегка прихрамывая, подошел к капитану, пожал руку, кивнул остальным и направился в угол, где лежал Аргентовский.

В смутном свете фонаря «летучая мышь» Лавр увидел коренастого, полнеющего мужчину в сером френче. На крепкой бычьей шее, сдавленной упругим воротником, сидела большая, круглая, словно шар, голова, увенчанная фуражкой с бело-красной лентой на околыше. Правый глаз пересекала мягкая серая повязка. Лицо Сыровы было угрюмым, непроницаемым.

Не поворачивая головы, он деловито спросил:

— Кто такой?

— Комиссар милиции Аргентовский, господин начальник, —

поспешил с ответом Постников.

— Про что допрос?

— О совдеповской кассе пытаем, — пояснил капитан.

— О!.. — в единственном глазу Сыровы сверкнул любопытный огонек. — Аргентовский, вы знал Тептелев? Подполни в депо.

Лавр не ответил на вопрос Сыровы, только скрежетнул зубами.

— Тебя спрашивают! — Постников угрожающе поднял плетку. — Отвечай!

Аргентовский облизнул пересохшие губы, выплюнул сгусток крови. Капитан с размаху хлестнул его плеткой. Под разорванной тельняшкой грудь Лавра перечеркнул кровавый рубец. Это еще больше распалило палача. Его плетка вновь засвистела в воздухе раз, другой, третий…

— Добже… Мертвый сказат не може, — остановил контрразведчика Сыровы, когда Лавр безвольно склонил голову набок.

Смахнув пот со лба, Постников пожаловался:

— Каменный он, что ли?!

— Они все каменны, — подтвердил Сыровы. — Большевик!

Следующий допрос Постников проводил в присутствии бывшего полицейского исправника Иконникова. Когда ввели Лавра, Иконников восседал на стуле у окна, закинув ногу на ногу, попыхивал своей неизменной трубкой. Самодовольно улыбался.

— Здравия желаю, комиссар! А мы с вами тогда не закончили беседу… Если господин Постников позволит и с вашей стороны возражений не последует, я готов продолжить.

— Не та обстановка, — бодро, даже улыбаясь, ответил Аргентовский, хотя все тело ныло от боли.

— Комиссар только сейчас понял, в каком положении находится, — сказал Постников. — Представляете, господин Иконников, каково мне было на первых допросах? Пришлось применить крайние меры.

У Лавра зло блеснули глаза.

— С тобой я больше не разговариваю, иуда!

Лицо Постникова потемнело, задергалось веко.

— Может, мы с вами, комиссар, найдем общий язык? — спросил Иконников.

— И с вами не о чем разговаривать.

— Сам вынуждаешь, Аргентовский! — исступленно крикнул Постников.

Подскочил к двери, пинком распахнул ее и приказал:

— В боксерскую!

Лавра опять жестоко избили, всю спину исполосовали горячими шомполами. Комиссар вообще перестал отвечать на вопросы.

— Черт с ним! — махнул рукой Постников. — Оставьте.

С этого дня Аргентовский давал только письменные показания.

> «17 июня 1918 года. Я, нижеподписавшийся, даю настоящий отзыв на отношение начальника городской милиции от 17 июня с. г. за № 3334 в нижеследующем: упомянутая сумма 11 400 рублей в настоящей переписке сдана мною в кассу совдепа под расписку, каковой на руках у меня не имеется, наверное, утеряна…»[4].

В этот же день вызвали на допрос председателя Совета Зайцева. Постников любезно предложил сесть, раскрыл портсигар.

— Видите, к чему приводит запирательство. Я в отношении комиссара Аргентовского. Поверьте, мы вынуждены применить крайне жестокие меры. Ведет себя вызывающе. Груб. Отказывается отвечать. У нас тоже нервы… В конце концов, кто хозяин положения?..

— А вы напрасно стараетесь. Он действительно ничего не знает о кассе.

— Нет. Речь идет о другом. У заведующего продпунктом Аргентовский взял некоторую сумму. По кассовой книге горуездной милиции эти деньги не значатся. Полагаем, Аргентовский присвоил их.

Капитан помахал над столом двумя бумажками, как бы предлагая Зайцеву убедиться: «Вот они, расписки… Чего тут крутить».

— Могу пояснить, если это необходимо, — медленно заговорил Зайцев. — По моему распоряжению Аргентовский сдал деньги в нашу кассу, даже не оприходовав у себя. Точно не помню, в тот или на другой день.

— Сколько? — Постников испытующе уставился на Зайцева.

— Одиннадцать с лишним тысяч.

— Точнее?

— Одиннадцать четыреста.

— Письменно можете подтвердить?

— Пожалуйста.

Ив следственном деле Аргентовского появился такой документ:

> «17 июня 1918 года я, нижеподписавшийся, даю

настоящий отзыв в следующем: деньги от Аргентовского в сумме 11 400 рублей мною приняты и сданы в кассу совдепа 29 или 30 мая, точно не указать. Справку можете навести по кассовой книге Совета.

В чем и расписываюсь — Евгений Зайцев»[5].

Зайцев знал: кассовой книги, как и самой кассы, белогвардейцам не найти.

Однако контрразведка продолжала поиски, стараясь изощренными пытками сломить волю комиссаров. Но все ее усилия были тщетными.

Не комиссарам, а комиссары давали бой. Бой классовым врагам. И за их мужественной борьбой внимательно следила вся тюрьма. Ее бывший начальник Мартин Грунт каждый день принимал по тюремному «телеграфу» из соседней камеры: «Семнадцатая!.. Семнадцатая!.. Держитесь!.. На воле интересуются здоровьем».

Спустя неделю — новая весточка. На крохотном листочке всего несколько слов. Товарищи с воли писали, что имеют оружие и готовы организовать побег. В конце настоятельно требовали: «… Сообщите свой план».

Теперь политзаключенные твердо знали: в городе действует подпольная организация, которая готовит их освобождение.

— Надо связаться с товарищами из других камер, — предложил Климов, — составить общий план.

Однажды по «телеграфу» Грунту сообщили: «Подпольщики собираются напасть на тюрьму».

— Передай, — сказал Климов Мартину, — пусть оставят эту затею. Тюрьма хорошо охраняется. Нам нужна пилка по металлу.

Мартин отстукал.

«Как вы ее получите? Вам не разрешают прогулки и свидания», — последовал ответ.

— Подкупить или запугать надзирателя, — диктовал Климов.

Контрразведка догадывалась, что комиссары имеют связь с волей, что внутри тюрьмы зреет заговор. В городе было неспокойно. Почти каждый день на заборах и домах появлялись листовки. Белочешские солдаты находили в своих карманах прокламации, разъясняющие сущность мятежа. Ночами вспыхивали перестрелки с комендантскими патрулями. На железнодорожной станции и в пути следования были часты аварии поездов…

Создавшееся положение особенно тревожило комиссара сибирского белогвардейского правительства в Кургане Алексеева. В своем донесении на имя директора департамента милиции он

сообщил об активных действиях подпольной организации большевиков, о ее стремлении освободить комиссаров путем подкупа тюремной стражи.

Главари белогвардейцев и белочехов решили уничтожить узников семнадцатой камеры. Чтобы «оправдать» в глазах населения расправу, было инсценировано покушение на поручика Грабчика. Тот же Алексеев докладывал вице-директору департамента милиции:

> «Это возмутительное покушение… вызвало бурю негодования со стороны не только добровольческого отряда, командиром которого является Грабчик, но и всего благомыслящего населения. Пришлось приложить много труда и усилий, чтобы не допустить добровольческие части к расправе вообще со всеми заключенными в тюрьме… Исходя из этого, я прихожу к такому заключению, что военная власть сейчас должна действовать скоро и решительно, ибо всякое промедление и послабление может повлечь за собой примеры Славгорода, Томска, Кустаная, Кузнецка и других городов, то есть явное восстание, о котором мечтают большевики…»[6].

Две недели из семнадцатой не вызывали на допросы. Тюремная администрация лишила ее узников прогулок, свиданий и передач.

15 сентября 1918 года…

После полудня в казематах курганской тюрьмы загремели связки ключей, со скрежетом открылись решетки пропускников. По длинному коридору пронеслись зычные команды:

— Открывай семнадцатую!..

— Выходи во двор!..

Комиссары тревожно переглянулись.

Их построили во дворе. Сделали перекличку. Надели наручники. За воротами — пестрая толпа горожан. Лавр увидел знакомые лица, поднял скованные цепью руки.

— Прощайте, товарищи!..

Послышались ответные возгласы, но толпу тотчас закрыла серая колонна конвоя.

Печальная весть стремительно облетела город: комиссаров повели на расстрел! Крестьяне, возвращавшиеся с базара, останавливали лошадей, обнажали головы, крестились: «Спаси их и помилуй, господи… Не дай загибнуть несчастным…»

Толпа вокруг конвоя росла, гудела. Какая-то женщина затарабанила в окно дома Аргентовских:

— Сказывают: наших куда-то повели…

Анна Ефимовна болела, не смогла подняться.

— Ты лежи, мамуся, я сейчас вернусь, — повязывая на ходу косынку, заторопилась Наташа.

Не было дома и Тоси. Больной пришлось долго лежать одной.

А Наташа шла в толпе, сопровождавшей комиссаров, уговаривала рабочих перебить конвой, освободить политзаключенных. Те в бессильной злобе сжимали кулаки:

— Голыми руками, девонька, ничего не сделаешь.

— Они ить оборуженные…

В первой паре шел Лавр. Гордо подняв голову, в последний раз шагал он по знакомым улицам. Заметив Наташу, крикнул:

— Береги маму! — И пошатнулся от сильного удара прикладом.

У Троицкого железнодорожного переезда солдаты остановили толпу.

Люди не расходились, прислушивались к завыванию осеннего ветра. Со стороны веревочного завода, приглушенные расстоянием, донеслись винтовочные выстрелы. Мужчины обнажили головы, женщины заголосили. Наташа стояла с окаменевшим лицом, судорожно стягивая на груди концы косынки.

Расстрел 10 курганских комиссаров 15 сентября 1918 года белочехами. С картины художников Г. Т. Козлова и И. П. Шмелева.

БРАТ И СЕСТРА

Тысяча девятьсот девятнадцатый год начался снежной сумятицей — буранами да жестокими морозами. Маленький, неказистый домик Авдеевых, что на Омской улице Кургана, вздрагивал под напором ветра, скрипел обветшалой кровлей. Снежная крупа глухо билась в подслеповатые оконца. За колченогим столом, склонившись над книжкой, угнездился вихрастый мальчуган, Витя Авдеев. Рядом, на большом кованом сундуке, с вязанием в руках — мать, Пелагея Никитична, постаревшая, седая. Отец, Григорий Иванович, в кухне шорничал, чинил хомут для Гнедка. Клавдия, старшая дочь, ушла к подружке на посиделки. Витя нараспев читает стихотворение: «Зима недаром злится, прошла ее пора…»

— И то правда… — вздыхает Пелагея Никитична. — Лютует ноне окаянная. Как оне там?..

Витя прислушивается к горестным словам матери. Он знает, о ком она вздыхает. В воображении всплывают картины: холодные каменные подземелья тюрьмы, колючая проволока на столбах. Где-то там брат Кузьма. Вот уже восемь месяцев весточки нет. Мать извелась, плачет ночами. Отец молчит, курит да вздыхает.

— Читай, читай, сынок, — просит Пелагея Никитична.

По разрисованному узорами стеклу как будто скребнули. Витя напряг слух. Так и есть! Под окнами кто-то ходит. Пелагея Никитична тоже услышала, распахнула дверь в кухню:

— Накинул бы ты, отец, кожушок да вышел во двор. У калитки ходит кто-то. Скоро Кланя вернуться должна, не испужалась бы.

— Твою Клавдию испужаешь. Не из робких, — проворчал Григорий Иванович, но все-таки вышел. Минуты две спустя вернулся. По тому, как скрипнула и долго не захлопывалась обледенелая дверь, Пелагея Никитична определила: Григорий вернулся не один. Дверь резко распахнулась, в горницу быстро вошел бородатый человек.

— Здравствуй, маманя!

— О, господи! Кузя! — Пелагея Никитична бросилась к сыну.

Кузьма оброс бородой. Шапка рваная. Фуфайка, явно с чужого плеча, латаная-перелатанная. Заиндевел до самых бровей.

За ним в проеме дверей показалось другое привидение. Чуть выше ростом, тоже — в фуфайке. Лицо закутано платком, шапка без налобника.

— Это мой приятель, Костя Аргентовский. Вместе до мятежа с бандами схватывались… Они тут, на Александровской улице

проживают.

Пелагея Никитична расцеловала сына, припала к груди, в голос заплакала.

— Перестань! — цыкнул на нее Григорий Иванович. — Не хоронишь… — И повернулся к Косте, топтавшемуся у порога: — А вы разболокайтесь. К печке садитесь. Отойдете, поужинаете и — домой.

— Домой ему нельзя, отец, — покачал головой Кузьма. — Мы — в бегах. Нас, может, хватились уже. А у них штаб контрразведки рядом.

Григорий Иванович задумался. Пелагея Никитична тронула его за плечо:

— Пока ужин готовлю, сходил бы к Аргентовским, известил…

— И то верно. Где живут, говоришь?

— На Александровской улице. Дом Кузьминых знаете? Во дворе, во флигеле. Сестре Наташе или матери шепните, — объяснил Костя. — При чужих — ни слова.

— Может, для начала про отца спросить? Василия Ляксеевича я знавал. Вместе на железной дороге робили. Дескать, он мне полмешка керенок должон.

— Не пужай добрых людей, старый, — укорила Пелагея Никитична. — Скажи, как тебя просят.

…Вскоре появились Анна Ефимовна и Наташа Аргентовские. В жарко натопленной горнице Авдеевых уже посвистывал самовар.

За чаем Кузьма рассказывал:

— А бежали мы в гробах. Человек десять сразу.

Анна Ефимовна украдкой перекрестилась.

— Содержали в бараках. Печей нет. Стены, чем могли, законопатили и жили. При чехах еще туда-сюда… Кого на работу сведут, кому передачу разрешат… При Колчаке — и думать не могли. Спали вповалку. Проснешься, а сосед мертвый. Каждый день на поверке десятка полтора-два недосчитывали. К полудню старик на кляче ящики-гробы привозит. Несколько мертвецов кладут в каждый и — на кладбище, в общую могилу. А там уже специальная команда солдат-инвалидов яму приготовила. Наполнят ящиками, зароют, новую копают. Омские большевики записку прислали: «Возчик свой. Воспользуйтесь». Мы и сами подумывали, да боялись: очень уж неприступным казался старик. А тут слово за слово, договорились. Обменялись бирками с мертвецами, спрятали их, и товарищи заколотили нас в гробы. Старик доставил на кладбище честь по чести. Мороз в тот день трескучий был. Солдаты разгрузили и — греться в сторожку. Мы подняли крышки, заколотили снова и ушли…

Костя раскатисто захохотал.

— Чего ты? — недовольно спросила Наташа. Рассказ произвел на нее сильное впечатление, смех казался неуместным.

— Спросите Кузьму, как он в «собачьем» ящике ехал. Сидим в купе, — давясь от смеха, продолжал Костя, — нас, что сельдей в бочке! Трое солдат. Двое, видно, из буржуев. Какой-то инженер. Остальные — шваль, вроде нас. И вдруг — патруль. Слышим в конце вагона: «Проверка документов!» Бежать? Так дверь тамбура на замке. Жалобно так объявляем: «Братцы, мы — зайцы. Билетов достать не могли. На похороны мамани поспешаем. Спрячьте, ради Христа, а то высадят и бедную маманю без нас захоронят…» Инженер заерепенился было, но солдаты, хоть и колчаковцы, а сердобольные попались, прикрикнули: «Выбросим из вагона, ежели что…» Меня в разное тряпье закутали и на верхнюю полку, а Кузьму в «собачий» ящик запихнули. Патрульные проверили документы. И, то ли Кузьма заворочался от холода, то ли еще почему, начинают крышку ящика поднимать. А солдат-попутчик испуганно так шепчет: «Осторожно, господин фельдфебель, злющая собака там… Не дай бог вырвется, каналья!..» Кузьма оттуда: «Р…р…ав!»

— Не ври! — возмутился Кузьма.

Костя, не обращая внимания, продолжал:

— Они захлопнули крышку и боком, боком…

Двое суток отсыпались Кузьма и Костя в квартире Авдеевых. На третий день, вечером, снова пришла Наташа. Девушка была одета почти изысканно — в темно-синем пальто с кроличьим воротником. Такая же муфта. На голове — серая пуховая шаль.

— Гляди-ка ты, вырядилась, — удивленно заметил Костя, — будто на гулянье…

— И верно, на гулянье, — улыбнулась Наташа. — Знакомые на именины приглашают. Собирайтесь.

Н. В. Аргентовская, активный участник подпольной организации большевиков, замучена в Курганской тюрьме в августе 1919 г.

В конце Троицкого переулка, на берегу озерка Башняк, у полотна железной дороги стоял приземистый пятистенник. Опытный глаз сразу бы определил, что его хозяин железнодорожник. Высокий забор сколочен из крашеной вагонетки. Вместо столбов в болотистую землю вкопаны промасленные шпалы. Рядом, увязшие по ось в воде, чугунные скаты вагонных колес. Как они здесь очутились, не помнил и сам хозяин дома, стрелочник станции Курган Варфоломей Алексеевич Репнин. Это был широкий в кости, крепкий старик. Его большие серые глаза блестели не по годам живо. Рыжая окладистая борода как бы высвечивала лицо Варфоломея Алексеевича, отчего оно казалось приветливым и добродушным.

Под стать и жена, Ульяна Михайловна. Веселая и хлопотливая. «Ужо Михайловна, — говаривали соседки, — мертвому не даст соскучиться».

Хозяин помог пришедшим раздеться, проводил в горницу. За длинным столом, накрытым цветной скатертью, — человек десять. Почти все — молодые… Ульяна Михайловна усадила Костю между Наташей и Оней Пузиковой. Кузьма с гармошкой расположился у торца стола.

— Седня именины у моего старика. Не побрезгуйте, люди добрые, — с поклоном обратилась хозяйка к собравшимся.

Кто-то спросил:

— Сколько же дней ангела у него, Михайловна? Ежели не запамятовал, третий раз нынче справляем.

— О том господь ведает.

Хозяин огладил пышную бороду, подровнял усы, кашлянул в кулак.

— Товарищи! Сегодня здесь с нами смелые бойцы с бандами и контрреволюцией, бывшие политзаключенные Омского лагеря смерти — Константин Аргентовский и Кузьма Авдеев. Им потрафило вырваться из рук колчаковских палачей… Мы верим: ни пытки, ни издевательства не сломили их стремления бороться за Советскую власть. Наша подпольная большевистская организация много крови попортила супостатам. Константина и Кузьму мы, конечно, примем к себе. Люди проверенные. Но пускай поклянутся светлой памятью своих товарищей, отцов и братьев, замученных колчаковскими ублюдками, что до последней капли крови станут бить проклятого врага, если случится попасть к нему в лапы, ни под какими муками и пытками не выдадут товарищей.

Кузьма и Костя встали.

— Клянемся!

— Верим, — улыбнулся в усы Варфоломей Алексеевич. — А теперь — дело. Тут собрались не все члены нашей организации, а только старшие групп. О чем расскажу — передать по цепочке. Откуда узнали — помалкивать. — Репнин обвел всех пристальным взглядом. — Недавно из Москвы вернулся наш посланец, матрос Василий Кононов. Из центра привез немного денег и пишущую машинку. Это то, что нам особенно нужно. Оружие закупим у спекулянтов. Гаркуненко поднаторел возиться с ними, ему и деньги в руки. А машинку поручим Наталье Аргентовской, Николаю Морицу и Кузьме Авдееву. Будут печатать и расклеивать прокламации. Но сочинять их надо так, чтобы за душу хватало. И еще: на днях Георгий[7] весточку прислал: Красная Армия громит врага по всему фронту. Колчак драпака дает. А чтобы адмирал еще быстрее пятки смазывал, нам предписывается мешать переброске на фронт войск и вооружения.

Расходились далеко за полночь. Осторожный Репнин с каждым обсудил, как избежать встречи с патрулями.

ПОДПОЛЬЕ ДЕЙСТВУЕТ

…Вечер. Морозно и тихо… По Водопроводной улице шагает парочка влюбленных. У паренька через плечо тальянка. Далеко разносится ее серебряный голос. Девушка поет озорные частушки.

Но вот паренек прекратил игру, открыл левую планку гармони, достал небольшой листок. Девушка вынула из муфты баночку с клейстером, мазнула кисточкой по забору, выхватила у гармониста листок, наклеила.

И снова зазвучал ее веселый голос:

Ой, подружка моя,
Что же ты наделала…

Парочка сворачивает в ближайший переулок. Квартала через два — та же операция… Наконец прокламации расклеены. Паренек с девушкой ныряют в подворотню, некоторое время стоят, прислушиваясь. Под чьими-то шагами заскрипел снег. Паренек приоткрыл калитку, осторожно выглядывает. «Это Костя, — шепчет он. — Идем, Наташа».

Впереди, не спеша, вразвалочку шагает Костя Аргентовский. Паренек — это Кузьма Авдеев — растягивает меха тальянки. В ночную темноту вплетается грустный мотив: «Сижу за решеткой в темнице сырой…» Услышав пароль, Костя приостанавливается, шепотом спрашивает: «Все?» Наташа молча подхватывает брата под руку, и они втроем спешат к домику Репниных.

В горнице за прялкой сидит Ульяна Михайловна.

— Ну?

— Порядок, Михайловна! — весело отвечает Кузьма, ставя гармонь под порог, чтобы не запотела с мороза. — Наташке удалось даже на дверях городской управы наклеить.

— Это ни к чему… Рисковать надо с умом, девонька, — пожурила хозяйка. — И к тому же — кто ее там увидит? Утром дворник ай дежурный заметят и сорвут.

Наутро горожане читали:

«Товарищи рабочие, железнодорожники, солдаты и крестьяне — все, кому дороги завоевания революции! По всему Уралу Красная Армия громит и гонит Колчака. Скоро пробьет его последний час. Устраивайте забастовки, саботируйте отправку эшелонов с колчаковскими войсками, вооружением и фуражом на

фронт. Этим вы поможете Красной Армии и партизанам быстрее разгромить ненавистного врага.

Все под Красное знамя пролетарской революции!

Подпольный комитет партии большевиков».

Ни днем, ни ночью не умолкает шум на станционных путях: перекликаются маневровые паровозы, гремят сцепки, лязгают буфера вагонов. С прибытием воинских или пассажирских эшелонов гомон усиливается. Вагоны осаждает многоголосая людская толпа. Крики. Ругань. Через эту толчею пробираются трое — женщина и двое мужчин. Передний молотком с длинной ручкой простукивает тормозные колодки, зорко поглядывает по сторонам. В нем трудно узнать шутника и балагура Костю Аргентовского — лицо в мазуте, ватник промаслен. Следом идет Наташа. На ней — ватник, темный платок, по-монашески надвинутый до бровей. В руках у девушки масленка, где вместо смазки — кипяток. Наташа открывает крышки букс, плещет туда воду. Смазка осаживается. Третий — Сергей Богданов — один из членов подпольной группы. Из своей масленки он насыпает в буксы прокаленный песок… «Обработана» половина состава. Хватит! «Смазчики» ныряют под вагоны, по одному пробираются к будке стрелочника. Первым входит Костя. Варфоломей Алексеевич встречает его настороженно:

— Хвост не привел?

— Все в порядке!

В будке жарко. На железной печке-буржуйке стоит ведерная кастрюля с водой. Рядом — противень с мелким речным песком. Закипая, вода монотонно и жалобно посвистывает. Репнин, присев на корточки, длинной клюкой перемешивает дрова.

Будку мелко затрясло, словно под землей заработал гигантский жернов. Репнин поспешно оделся, натянул лохматые собачьи рукавицы и вышел. Костя припал к заиндевевшему оконцу. В это время распахнулась дверь, ввалились Сергей с Наташей.

— Своей работой любуешься? — усмехнулся Богданов. Потеснив Костю, он тоже стал глядеть в оконце, за которым два паровоза, то и дело пробуксовывая, медленно тянули состав.

— Вот это да!.. Двойной тягой едва стронули. Далеко не уйдет… — довольно потирая руки, сказал Костя.

— Ребята, не будем терять времени. Такая ночь!.. К утру еще один состав обработаем, — предложила Наташа. Она взяла ковш и стала наливать кипяток в масленку, но Сергей остановил ее:

— Не торопись. Дед не любит самоуправства. Вишь, на станцию побег. Разведает, что к чему, тогда…

Когда состав растаял в снежной пелене, Костя подошел к столику, на котором стоял фонарь, поднял стекло, задул огонь.

— Так-то лучше. Ненароком чужой войдет…

Затем он открыл топку печки, клюкой перемешал угли и подбросил дров. Они жарко вспыхнули. На лице Кости запрыгали красноватые сполохи. Задумчиво, глядя на языки пламени, он попросил:

— Наташа, расскажи еще раз о братке. Больше недели дома и ни разу как следует не поговорили.

— Что рассказывать-то?.. Все уже сказано, — горестно вздохнула Наташа. — Мы сговорились устроить комиссарам побег. Нашли спекулянтов, купили пулемет, два ящика винтовок. Думали организовать налет на тюрьму, да комиссары заупрямились. Прислали записку: не вздумайте, мол, всех поставите под удар. Попросили передать пилку по железу. Что они затеяли, мы так и не узнали. То ли тюремное начальство что-то пронюхало, то ли по другим причинам, но режим усилили, прогулки, свидания запретили. Передачи — тоже. А тут комендант Губ стал набиваться мне в женихи. «Пусть ухаживает, — посоветовал Репнин. — Может, какую пользу выгадаем». И правда, Губ черкнет бумажку — я в тюрьму, на свиданье к Лавру. Личных не давали, только общие. И то ладно: братка намеками умел сказать что надо.

Проглотив комок, подступивший к горлу, Наташа продолжала:

— На другой день, после расстрела, пришла Ксеня, жена Саши Климова. Тоже вся опухла от слез, бедная. Такое горе!.. «Идем, — говорит, — Наташа, могилку наших искать». Пошли. Дорогой еще женщины к нам пристали. За веревочным заводом первый колок обошли — ничего. На опушку второго вышли, смотрим: овсище будто волокушей примято. Земля свежая… Догадались: здесь… Могилка небольшая, метра три в длину. Вровень с краями засыпана. Ксюша опустилась на колени, стала руками землю разгребать и вдруг плечо нащупала. Еще немного порылась и синий в полоску пиджак открылся. «Бабы, Шуры моего костюм!..» Стали мы ей помогать. Ксюша заголосила. А тут, откуда ни возмись, чехи. Человек двадцать. Со стороны Рябково бегут. И разогнали нас. На другой день мы пришли, а их уже в другое место перехоронили.

Наташа замолчала. Молчал и Костя. Только в печке потрескивали дрова, да, сердито пофыркивая, бурлила в кастрюле вода. Первым тишину нарушил Богданов.

— Совсем запамятовал. Вчерась Кононов приходил. Велел отпечатать вот эту прокламацию. Против сбора теплых вещей для

колчаковских солдат.

Он порылся за пазухой, достал сложенный вчетверо листок и протянул Наташе. Костя спросил:

— А отец весточки не подавал?

— Нет. Сказывали, что видели его в Ново-Николаевском лагере.

— Жаль батю…

С ледяным хрустом открылась дверь. Вошел Репнин. Осветив углы будки и убедившись, что посторонних нет сказал:

— На станции спокойно. Минут через двадцать опять воинский прибывает. Берите инструмент и — за работу.

В эту ночь подпольщикам удалось «обработать» три состава. Все они дальше соседних станций не ушли. Контрразведка бесновалась целую неделю. Были допрошены все рабочие депо, в какой-то мере причастные к ремонту и обслуживанию вагонов. Вызывали на допрос и Репнина. Но хитрый старик выставил доброе алиби.

Округлив свои и без того большие глаза, Варфоломей Алексеевич перво-наперво истово перекрестился, затем неторопливо повел рассказ:

— Да, в ту ночь дежурил, но подозрительных не встречал. Часу этак в одиннадцатом на стрелку вышел, вдруг эдакое чудище заявляется, все в снегу, да как гаркнет: «Чаво стоишь, такой-сякой!» — «Не успел лечь», — ответствую. — «Я те, каналья!» — И как стеганет повдоль хребта кнутом. Потом приказывает: «Топай за мной». Прошли мы шагов двадцать под откос, гляжу — пролетка на боку, а лошадь по самое брюхо в снегу пурхается. Рядом дама копошится. Чево, мыслю, понес их черт целиной, а не по дороге? Вгляделся… Ба! Да это ж сами господин Витковский, бывшего полицмейстера товарищ. Сейчас оне в городской управе служат. А дама — любовница иха. Вывели мы лошадь на твердь. Чемоданы на станцию снесли. Заскакиваю к дежурному по станции, а он меня матом: «Зачем пост бросил? Расстрелять, — говорит, — тебя мало!» А я здесь при чем?

— Достаточно старик, — оборвал Репнина следователь. — Ты вот что скажи: может, кто из путейцев недовольство новой властью высказывал или подбивал тебя, ну, например, стрелку перевести, чтобы поезда столкнулись?..

— Э… э… э… господин хороший, дураков нету. Каждому своя шкура дорога. А Витковского, господин следователь, пожурите. Разве может стрелочник с поста уходить в такую смуту! Беда стрясется, кого за штаны возьмут? Упаси бог, не накаркать бы…

Репнин перекрестился и трижды сплюнул через левое плечо.

На станции ввели жесткий контроль за обслуживанием

поездов, направлявшихся в сторону фронта. Работы стали производиться только под присмотром мастера и сопровождавших его солдат.

Наташа, Сергей и Костя едва не попались. Спас Репнин.

Случилось это часа в два ночи. Под покровом темноты подпольщики начали «обработку» вагонов с хвоста состава. По другую сторону пути, освещая дорогу фонарем, неторопливо шагал стрелочник. Его знали и не обращали внимания. Неожиданно из-за дровяного склада показались военные. Репнин бросился к ним, громко ругаясь:

— Где вы ходите, черт бы вас побрал? Коменданту нажалуюсь!

Заметив белую повязку на рукаве усатого фельдфебеля, Варфоломей Алексеевич к нему:

— Эти хоть молодые, а вы-то… Нешто можно так!..

— В чем дело, старик? — забеспокоился фельдфебель. — Пошто лаешься, как цепной кобель?

— Лаешься… — проворчал стрелочник. — Небось будешь лаяться… Какие-то люди стрелку перевели. Намедни было и — опять. Двое. Шумнул — они бежать. А патруля черти с квасом съели.

— Куда побежали?

— Туда. За пакгауз.

— Киприянов, сигнал!

Стоявший позади фельдфебеля солдат вскинул винтовку и выстрелил. У деповских ворот тотчас вспыхнул свет, заметались тени. Подпольщики не предполагали, что находятся вблизи засады. Они бросились бежать вдоль состава, потом по тропке свернули на Омскую улицу. Костя в темноте оступился и грохнулся поперек колеи. Масленка дребезжа отлетела в сторону. На звук раздалось несколько выстрелов, послышались голоса и топот кованых сапог. Костя метнулся под вагоны стоявшего в тупике порожняка. Мимо пробежал человек. Резанул выстрел. Клюнув чугунный скат вагона, пуля рикошетом пошла в сторону. Это подхлестнуло Костю. Он выскочил из своего укрытия, забрался на вагон и, прижавшись к вентиляционным трубам, осмотрелся. На станции то там, то здесь мелькали огни фонарей, перекликались люди. Со стороны Челябинска, ярко освещая путь, прибывал товарняк. Его встречала большая группа военных. Да, контрразведка не спит…

Репнин в своей будке срочно навел порядок: выплеснул из кастрюли воду, отвернул топором половицу, ссыпал в подполье песок. Принялся вязать фитиль.

На рассвете появился Костя. Хромающий, продрогший, он

едва волочил ноги. Репнин встревожился:

— Зачем сюда?

Костя потупился и, с трудом ворочая языком, прошепелявил:

— Чуть не окочурился… На крыше вагона часа четыре лежал.

Больше всего Костя огорчался тем, что поддался страху и, не помня себя, залез на вагон. Быть может, это и спасло его, но… на душе горько и тяжело.

На раскаленной докрасна печке-буржуйке в большой алюминиевой кружке закипела вода. Варфоломей Алексеевич заварил чай, дал ему постоять, налил Косте в черепичный стакан.

— Выпей и…

Костя понимающе кивнул.

Помолчали.

Затем Костя, простуженно кашлянув в кулак, спросил грустно:

— Что, отвоевались?..

Репнин удивленно глянул на него: таким он видел Костю впервые. Огладив рыжую бороду, ехидно ухмыльнулся:

— Отвоевались, говоришь?..

Костя промолчал.

— Наш взводный говорил: «Паника — злейший враг солдата…» Какая разница, где «обрабатывать» поезда — в Кургане или, скажем, в Юргамыше?

Костя хлопнул себя по лбу:

— Верно! Как же это я сразу-то?..

Почти неделю жила и «работала» группа подпольщиков на станции Лебяжья — Сибирская, затем перебралась в Зырянку. Контрразведка сбилась с ног в поисках диверсантов, но безуспешно.

В середине марта Репнин дал команду вернуться в Курган.

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

В первый же вечер Костя решил навестить мать. И на темной улице еще не уснувшего города натолкнулся на вывернувшийся из-за угла комендантский патруль. Костя отпрянул назад и махнул через забор. Вслед бабахнуло два запоздалых выстрела. Но Костя был уже далеко от злополучного места. Забравшись на крышу чьего-то сарая, минут двадцать лежал не шелохнувшись. До слуха доносился только лай собак да ледяной перезвон тополевых веток над головой.

Осторожно спустившись вниз, Костя стал пробираться на Александровскую огородами. И опять не повезло. Перескочив высокий заплот своего двора, заметил на крыльце соседнего дома человека. Сделал вид, что очутился здесь случайно, открыл калитку и вышел на улицу. Прислушался. Кажись, хлопнула дверь. Не дай бог, если это сам Осип Кузьминых! А кому больше? Кроме него в семье Кузьминых мужчин нет.

Костя представил себе тучного хозяина флигеля, в котором жили Аргентовские: бегающие мышиные глазки, круглый, как арбуз, живот. Этот не упустит случая, чтобы выслужиться. Наверняка стоит за притолокой окна, наблюдает за домом Аргентовских. Это с его «легкой руки» отец попал в концлагерь. «Погоди, за все рассчитаюсь…» — скрипнул зубами Костя и направился вдоль улицы. Переждав минут двадцать, огородами пробрался к дому, легонько стукнул в окно, поднялся на крыльцо.

В сенях послышался голос Наташи:

— Кто там?

— Свои, — дохнул в притвор Костя.

Анна Ефимовна уже хлопотала на кухне. Запахло квашеной капустой и щами.

Сняв рукавицы, Костя обнял мать. Из распахнувшейся двери в горницу на шею к нему бросилась Тоська, младшая сестренка.

Подолом фартука Анна Ефимовна осушила повлажневшие глаза, участливо спросила:

— Замерз?

— Немного, маманя.

— Ну, как вы там, сынок? Наташка ничего не сказывает…

— Все хорошо, маманя. Правда, Серега Богданов щеку приморозил. Зато дали каппелевцам! Поезд с войсками под откос пустили. Что было! — прижавшись к железной обшивке голландки, Костя увлеченно рассказывал: — Разобрали полотно, ждем. Вдруг огонек блеснул — Серега сигнал подает: пассажирский следует. Хитрят каппелевцы. Ну и мы не лыком

шиты — снова костыли в шпалы, сидим. Прошел спокойно. А вскорости военный эшелон показался. Костыли выбили, два пролета рельс в сторону, а сами — ходу.

— Тебя никто не видел? — обеспокоенно спросила Наташа. — На прошлой неделе с обыском приходили…

— Кузьминых на крыльце стоял. Но я его перехитрил, кажется.

— Кажется. Сейчас же одевайся и уходи. Вот-вот явятся. Осип теперь шишка — квартальный староста. Телефон на квартире поставил. Наверняка уже брякнул.

Костя начал одеваться. Наташа помогала ему, то подавая бязевые портянки из своего фартука, который тут же разорвала, то рукавицы, то шапку. Когда хлопнула сенная дверь, девушка облегченно вздохнула:

— Кажется, успел.

Не прошло и пяти минут, а в квартире уже хозяйничали контрразведчики. Два солдата и офицер. Не дожидаясь, когда откроют, они сорвали дверь, ввалились в кухню. Из горницы вышла Анна Ефимовна, испуганно спросила:

— О, господи, кто тут?

— Ни с места! — послышался из темноты голос. — Огня!

Кто-то чиркнул спичку. Зажгли висячую лампу.

— Вы — мать государственного преступника Константина Васильевича Аргентовского? — спросил офицер тоном судьи, только что зачитавшего приговор.

— Да.

— А вам известно, что он бежал из-под стражи?

— Да. Меня намедни вызывали в контрразведку.

— Нам доподлинно известно, что ваш сын явился домой, — нетерпеливо перебил офицер. — Как мать, посоветуйте ему добровольно отдать себя в руки правосудия. Это будет разумно.

— Я ему не судья. Он, слава богу, взрослый, сам знает, что делать. Одно скажу: дома его не видела.

Из-за спины офицера вынырнул дородный мужчина в полушубке и папахе — Осип Кузьминых.

— Врет она, господин поручик! — хрипловатым фальцетом крикнул он. — Полчаса назад видел его на дворе. Как сиганет через забор!

— Побойся бога, Осип Яковлевич! Тебе никак поблазнило…

— Поблазнило… — передразнил ее Кузьминых и нехорошо выругался. — Счас поглядим, кому поблазнило, а кому…

Поручик махнул рукой. Солдаты распахнули филенчатую дверь и ринулись в горницу.

— Посвети! — подтолкнул Анну Ефимовну Кузьминых.

Она сняла лампу с подвески, направилась вслед за офицером.

Наташа стояла у печки, прислушиваясь к разговорам на кухне. Девушка не знала, как лучше поступить: лечь в постель или встретить незваных гостей на ногах, одетой. Выбрала последнее. Будь что будет… Осенью ее дважды забирали в контрразведку — думала, не выкрутится. Листовку в кармане нашли. Сказала — подбросили… Обошлось. Отпустили. А может, то была хитрость контрразведчиков?

Закутавшись с головой в одеяло, на кровати спала младшая из Аргентовских — Тоська. Вернее, делала вид, что спит. Девочка твердо усвоила наставления старших: держать язык за зубами. Кто бы ни спрашивал о Косте или Наташе, отвечать: «Не знаю. Спала. Не видела». Вот и теперь она ухом не повела, когда поручик сдернул одеяло, начал ее тормошить. Открыла глаза, сонно прищурилась:

— А? Че?

— Где брат?

— Не знаю…

— А вчера приходил домой?

Тоська затрясла головой, зевнула, прикрыв ладошкой рот.

— Не приходил? Ай-яй! Такая хорошая девочка и обманывает дядю. — Резко изменив тон, офицер строго прикрикнул: — Ты мне это брось, притворщица!..

Тоська заплакала. Наташа подбежала к офицеру, дерзко оттеснила его:

— Постыдитесь, поручик! С бабами воюете, так хоть детей оставьте в покое!

Кузьминых осуждающе покачал головой:

— Ну и ведьма же ты, Наталья! Право ведьма! Рази мыслимо так с властями?..

— А ты молчи, лизоблюд несчастный! — крикнула ему в лицо девушка. — Не плачь, Тосенька. Дядя пошутил. Ложись. Спи.

Пока офицер занимался Тоськой, солдаты делали обыск. Все перевернули вверх дном, но ничего не нашли. Поручик схватил Кузьминых за воротник, словно намереваясь оторвать его массивную тушу от земли, и прошипел:

— Вы, Иосиф, или лунатик, или законченный дурак.

— Господин поручик, — испуганно залепетал тот, — да рази я стал бы попусту беспокоить… Истинный бог, сам видел!

— Сам видел… Э… эх! — осуждающе покачал головой поручик. — А вы, — приказал он Анне Ефимовне, — одевайтесь. Пойдете с нами. Без свидетелей лучше разговор получится… Ну, а с вами, мадам, — зло блеснул глазами в сторону Наташи, — встреча состоится позднее.

Анна Ефимовна вернулась только под утро. Избитая, немощная, едва переступила порог, как силы оставили ее. Она упала без чувств…

Жарко натопленная горница Авдеевых полна густого табачного дыма. Наташа закашлялась.

— Пелагея Никитична, не давайте им потачки. Смолят, аж дым коромыслом!..

— А я, касатка, вьюшку открыла. Разболокайся, присаживайся чай пить, — засуетилась хозяйка. — Завтра благовещенье, а зимушка лютует. Снегу-то, снегу намело…

Садясь рядом с Костей на лавку, Наташа вопросительно глянула на брата:

— Допрыгались, голубчики?..

Ответил ей Григорий Иванович.

— Знаем, все знаем, Наталья Васильевна. Об этом и толкуем. Вот Петька Владимиров принес чистые бланки с печатями городской управы. Сварганим справочки на жительство и отправим ребят к вашей родне в Чесноки.

— Где взял? — Наташа строго глянула на Владимирова.

— Ванька Иконников дал.

— Они с Петькой дружки, — пояснил Кузьма.

— Как бы это боком не вышло?.. Знаю я юнкера… Тот еще гад.

Петька Владимиров передернул плечами.

— Я сказал, что брательник с дружком в армию идти не хотят. Задумали смыться…

В ту же ночь Костя и Кузьма покинули город. А в три часа авдеевский барак дрогнул под ударами прикладов. Крестясь и охая, Пелагея Никитична слезла с печи. Кто-то сильным ударом распахнул дверь, старушку бросило к стене. Ударившись головой, она потеряла сознание. Когда очнулась, в кухне горел свет. Над ней склонился офицер. В чинах она не разбиралась, но по тому, как ярко блеснули золотые погоны, подумала: «Знать, важная «шишка»…

— Жива, старая карга? — насмешливо спросил мужик в шубе, в котором она признала Осипа Кузьминых.

— Где сын? — спросил офицер.

Вместо ответа Авдеева тяжело, надсадно застонала.

— Ты что, язык откусила?

Неторопливо, будто совершая обычное, будничное дело, офицер кованым сапогом наступил ей на пальцы левой руки, медленно усиливая нажим. Пелагея Никитична вскрикнула и затрепетала.

— Где Кузьма?

Не получив ответа, удивился:

— Скажи, какая терпеливая!..

— Погодите, а где Григорий? — Кузьминых стукнул себя по лбу и скрылся за дверью. Вернулся вскоре.

— Лошади в сарае нет. Значит, Григорий сына кудай-то повез.

На печке проснулись и подняли крик младшие дети Авдеевых, Клава и Витя. Кузьминых замахнулся лохматой рукавицей:

— Цыц, окаянные!..

Долго истязали контрразведчики Пелагею Никитичну, но так ничего и не добились. Они закрыли старуху вместе с младшим сыном, Витей, в горнице. Офицер приказал Кузьминых и солдатам оставаться в засаде, ждать хозяина, а Клаву увез с собой.

В полдень вернулся домой Григорий Иванович. Ничего не подозревая, распряг лошадь, задал корове корму, деловито потоптался во дворе и, удивляясь, что его никто не встречает, вошел в избу. Здесь Григория Ивановича ждал Кузьминых.

— Ну, а Кузька где?

— Господь с тобой, какой Кузька? — притворно удивился Авдеев. — Что ты, Осип!

Кузьминых сверкнул глазами:

— Всыпать старому хрычу тридцать шомполов для начала!

Авдеева повалили на пол. Солдат выкрутил шомпол, помахал им, будто пробуя гибкость, и начал хлестать по костлявой стариковской спине.

— Как бьешь?! Как бьешь?! — вскипел Осип.

Выхватив шомпол из рук солдата, Кузьминых сам принялся за дело. Лопнула полотняная рубаха, открыв рваный кровавый рубец. Григорий Иванович тяжко застонал. Палач бил еще и еще, хекая, будто колол дрова. Наконец, запалился, устало присел на лавку. Справившись с одышкой, спросил:

— А теперя, казацкая морда, скажешь, куды Кузька смотался?

— Ирод!.. Кабан аглицкий!.. — застонал в ответ Григорий Иванович. — Ни дна тебе, ни покрышки!..

В загнетке Кузьминых нашел ржавый обгоревший гвоздь, сбил окалину, присел на корточки и стал накручивать седые, жесткие, как проволока, волосы своей жертвы. Зажал голову между колен, резко дернул — вырвал клок. Григорий Иванович судорожно вздрогнул.

— Ну и как? — злорадно спросил Кузьминых.

— Иуда!..

Под вечер чуть живого Авдеева увезли в контрразведку. Но и там ничего не добились. Старик только стонал да ругался, приводя в ярость своих мучителей. На следующий день, доведенный до отчаяния, Григорий Иванович ухитрился мраморным чернильным прибором ударить Постникова по голове. Тот, в злобе, разрядил револьвер ему в грудь…

Рано притихло село Чесноки. Еще только-только погасла вечерняя заря, а уже редко где светится оконце. На улицах — ни души. Издалека зазвучали было серебряные переборы тальянки и смолкли. Не время нынче веселью. В памяти чесноковцев еще свежи события январских дней, когда в село в поисках партизан нагрянул каппелевский карательный отряд. Партизан не нашли, но у многих сельчан до сих пор саднят рубцы от шомполов.

Костя вышел во двор, распахнул калитку, оперся плечом о косяк и застыл, наслаждаясь весной.

Вечер был теплый, звонкий… По небу величаво плыла луна. Под жухлым сугробчиком, что притаился у изгороди, всхлипывал ручеек.

В сердце Кости закралась грусть. Его охватила смутная тревога. Так бывает, когда заглядываешь в глубокий колодец. Стоишь на самом краю, смотришь на зеркальный осколок воды и думаешь: а что, если сорвешься?

Когда Костя вернулся в избу, Кузьма сразу заметил угнетенное состояние друга.

— Хандришь?

— Сердце что-то болит… Как бы чего дома…

Кузьма рассмеялся:

— Бабой бы тебе родиться… Вон даже веснушки, как у девки, расцвели.

Предчувствие не обмануло Костю. По доносу предателей Петра Владимирова и Осипа Кузьминых в эту ночь была арестована большая группа подпольщиков.

А рано утром, когда хозяева и гости еще завтракали, к воротам лихо подкатили двое пароконных розвальней. Первым увидел их Костя и сразу догадался: «За нами…»

— Бежим, Кузьма…

И, как был в одной рубахе, бросился во двор, перемахнул плетень в огород, но было поздно: вслед прозвучали выстрелы, прижали к земле. Кузьму схватили в сенях.

Друзей связали спинами друг к другу, бросили в розвальни и повезли в Курган.

ЭПИЛОГ

В ночь с 13 на 14 августа 1919 года сводный кавалерийский отряд Н. Д. Томина выбил колчаковцев из Кургана. Палачи успели расправиться с подпольщиками. Немного не дожила до освобождения Наташа. Ее замучили в застенках курганской тюрьмы. Расстреляли Варфоломея Алексеевича и Ульяну Михайловну Репниных, Николая Морица. Остальных повезли на восток. В пути, недалеко от Петропавловска, Костя вырезал пол в арестантском вагоне, выпрыгнул, но был замечен конвоирами. Отважного паренька сразила пуля.

В родные края вернулись немногие — Кузьма Авдеев, Василий Кононов и некоторые другие. Они привезли еще одну печальную весть семье Аргентовских: в Ново-Николаевском лагере сожжен в бараке отец, Василий Алексеевич.

Вместе с отступающими войсками «правителя Сибири», опасаясь возмездия, уехали на восток и семьи предателей. Следы их затерялись на многие годы.

Осенью 1929 года младшая дочь Аргентовских, Таисья, в городской бане неожиданно встретила жену и дочь Кузьминых. Видимо, приехали они с тайной мыслью: разведать — помнят ли о злодеяниях Иосифа Кузьминых в Кургане, нельзя ли вновь завладеть оставленным здесь особняком и другим имуществом. Таисья побежала в милицию. Но Кузьминых тоже заметили ее и пытались скрыться. Как выяснилось, все эти годы предатель жил на станции Тайга. Кузьминых получил свое. Не ушел от возмездия и другой предатель — Петр Владимиров.

Курганцы не забыли подвига земляков, тех, кто устанавливал Советскую власть в Зауралье, кто погиб за светлое будущее. Помнят о славной семье Аргентовских: именем первого комиссара Курганской горуездной милиции Лавра Аргентовского названа улица в Кургане; в сквере, у моста-плотины через Тобол, установлен монумент героической дочери города — Наташе Аргентовской.

Памятник Наташе Аргентовской в Кургане.

notes

Примечания

1

Некоторые фамилии в книге изменены.

2

М. Н. Буров-Петров.

3

Начальник группы войск.

Плющев. Курганские комиссары. Челябинск, 1969, с. 115.

5

Плющев. Курганские комиссары. Челябинск, 1969, с. 116.

6

ГАКО, ф. 852, оп. 1, д. 159, л. 364.

7

Георгий Халин-Егоров, член омского большевистского подполья.